

ТОМАС ПИНЧОН — ИСПОЛИН СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. SUNDAY TIMES

ТОМАС ПИНЧОН

ВНУТРЕННИЙ ПОРОК

Возможно, самый выдающийся
стилист в англоязычной прозе
со времен Джойса.

LONDON REVIEW OF BOOKS

18+

Большой роман (Аттикус)

Томас Пинчон

Внутренний порок

«Азбука-Аттикус»

2009

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Пинчон Т. Р.

Внутренний порок / Т. Р. Пинчон — «Азбука-Аттикус»,
2009 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-24452-8

Томас Пинчон – наряду с Сэлинджером, «великий американский затворник», один из крупнейших писателей мировой литературы XX, а теперь и XXI века, после первых же публикаций единодушно признанный классиком уровня Набокова, Джойса и Борхеса. Герои Пинчона традиционно одержимы темами вселенского заговора и социальной паранойи, поиском тайных пружин истории. И кто бы мог подумать, что автор таких краеугольных камней постмодернизма, как «V.» и «Радуга тяготения», возьмется за детектив. Ну да Пинчон не был бы Пинчоном, если бы и здесь не изобрел свой собственный жанр – психоделический нуар. Его герой, частный детектив Док Спортелло, временами выплывая из дурманной дымки, наблюдает закат эпохи всеобщей любви и наступление века паранойи. А когда в его жизнь вдруг возвращается бывшая подруга по имени Шаста с историей о готовящемся похищении магната-застройщика Мики Волкманна, Док поневоле запутывается в хитрой паутине перекрестных интересов, неочевидных улик и ложных следов. И что такое вездесущий Золотой Клык – придуманная дантистами схема ухода от налогов, азиатский наркокартель или нечто куда более зловещее?.. В 2014 году Пол Томас Андерсон – один из главных визионеров современного кинематографа, постановщик таких картин, как «Ночи в стиле буги» и «Магнолия», «Нефть» и «Мастер», «Призрачная нить» и «Лакричная пицца», – бережно перенес «Внутренний порок» на большой экран; впервые в истории произведение Пинчона поддалось киноадаптации. В фильме, номинированном на два «Оскара», снимались Хоакин Феникс, Джош Бролин, Риз Уизерспун, Бенисио дель Торо, Джоанна Ньюсом и др. Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-24452-8

© Пинчон Т. Р., 2009

© Азбука-Аттикус, 2009

Содержание

Избыточное предуведомление	7
1	9
2	19
3	34
4	36
5	39
6	46
7	59
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Томас Пинчон

Внутренний порок

Под брусчаткой, пляж!
Надпись на стене, Париж, май 1968 г.

Thomas Pynchon
INHERENT VICE

Copyright © 2009 by Thomas Pynchon
Russian translation rights arranged with Melanie Jackson Agency, LLC through AJA Anna
Jarota Agency
All rights reserved

© М. В. Немцов, перевод, статья, 2013, 2023

© А. Б. Гузман, комментарии, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

Избыточное предуведомление

«Под брусчаткой, пляж!» С такого лозунга контркультурной революции начинается предпоследний (ко времени второго издания на русском языке вот этой книги, которую вы сейчас держите в руках) роман великого американского затворника Томаса Рагглза Пинчона-младшего (р. 1937), автора восьми романов, горсти рассказов, нескольких статей и примерно такого же количества предисловий к чужим работам, включая музыкальные альбомы. Это, как легко заметить, не очень много для более чем полувековой писательской карьеры. Примерно столько же времени этот человек не появляется на публике и не дает интервью, а некоторые утверждают, что его вообще не существует. Однако это наверняка досужие разговоры. Под брусчаткой – пляж.

Пинчона считают одним из полудюжины поистине великих американских писателей современности, постмодернистом, «черным юмористом» (впрочем, это определение советской критики не прижилось), а для его романов придумывали разные определения, включая «истерический реализм» и «историографическая металитература». Кроме того, его иногда называют «предтечей киберпанка» (видимо, на основании того, что в студенчестве он в соавторстве с приятелем, будущим антиглобалистом и неолуддитом Киркпатриком Сейлом написал научно-фантастическую оперетту о мире, в котором правит «Ай-би-эм») и «сочинителем гипертекстов». Все эти ярлыки, впрочем, сами по себе не очень интересны. Интересно другое: этот человек, практически полностью устранившись от суеты светской жизни планеты, вызвал к жизни один из самых прочных, умных и разнообразных литературных культов современности.

Трудно представить себе более американского писателя. Родился он перед Второй мировой войной в самом сердце Новой Англии – на острове Лонг-Айленд, это чуть правее Нью-Йорка, если посмотреть сверху. Его предок Уильям, английский колонист, богоборец и меховщик, не только основал немаленький город в Массачусетсе, но и написал первую книгу, запрещенную в Новом Свете. Сам Пинчон учился в Корнелле – одном из главных университетов Лиги плюща. Сначала изучал прикладную физику, потом служил на военном флоте, а затем вернулся в тот же университет, но уже на английскую филологию. Говорят, ходил на лекции к Набокову, хотя исследователи спорят об этом факте уже не один десяток лет. Никаких письменных свидетельств об этом не осталось, и знакомство двух великих писателей – такой же предмет для спекуляций, как большинство других фактов частной жизни Пинчона. Бесспорно одно: в студенческие годы (а они заняли практически все 1950-е) Пинчон действительно дружил как минимум с двумя яркими и магнетическими личностями – музыкантом Ричардом Фариньей и будущим экологом Дейвидом Шецлином. Оба написали немного: Фаринья – роман «Если очень долго падать, можно выбраться наверх» (1966, рус. пер. Фаины Гуревич), Шецлин – «ДеФорд» (1968) и «Хеклтус 3» (1969). Они не очень легки для «широкого читателя» и стали, что называется, «культовыми». Видимо, нелюбовь к упрощенным ответам на сложные вопросы (и тяга к раскрепощению пунктуации – примерно как в эпиграфе) прививалась самим учебным заведением.

Однако Пинчон пошел дальше своих друзей. Все остальное с ним происходило уже в 1960-х, и это десятилетие оставило четкий отпечаток на сознании писателя – даже если судить только по его книгам. Собственно, ни по чему иному судить не получится – по крайней мере, до тех пор, пока не вскроют архивы, и будем надеяться, что это произойдет еще не скоро (посмотрите, какие пляски на могиле другого затворника, Дж. Д. Сэлинджера, устроили нежно любящие его трупоеды). Вся биография Пинчона – в его книгах, где важно все, вплоть до мелочей, поэтому интересующихся мы, пожалуй, отошлем к ним. А те, кто робеет перед большим количеством букв (а также перед упомянутой выше раскрепощенной пунктуацией и

богатой авторской лексикой), могут прочесть конспект в любой энциклопедии. Эту книгу они вряд ли возьмут в руки. То ли дело мы с вами – но нам же и объяснять ничего не нужно, правда?

В отличие от прежних текстов Пинчона, «Внутренний порок», который перевел на язык кино другой «культовый» мастер, Пол Томас Эндерсон (2014), – роман очень простой, что не отменяет его загадочности и энциклопедичности. Любители выстраивать книги в тематические серии считают, что он продолжает (или завершает) «калифорнийский цикл» романов Пинчона. Действительно, в нем есть нечто общее с паранойяльной атмосферой «Выкрикивается лот 49», а из «Винляндии» в эту книгу переселились даже некоторые персонажи. Однако гораздо важнее здесь другая – скрытая – параллель. Поистине вселенские романы американца Томаса Пинчона написаны все же об Америке, конкретнее – о том периоде ее истории в XX веке, когда мечта об идеальной жизни (некоторые еще называют ее «американской мечтой») казалась как никогда осуществима. Это даже не очень про «секс, наркотики и рок-н-ролл», которые, несомненно, в 1960-х помогали такую мечту приблизить. Это про стремление к трансцендентности, к некой высшей благодати, что свойственно человеку – как биологическому виду – вообще.

Но идеальный пляж в романах Пинчона был – и остается – скрыт под толстым слоем брусчатки, очень качественно уложенной обществом, политическим режимом, Системой. Парижские студенты, выламывавшие ее из мостовых в мае 1968-го, опытным путем доказали существование под ней слоя песка. Жителям Калифорнии – не обязательно хиппи и сёрферам – тоже удавалось творить такие оазисы идеального бытия. Хотя бы ненадолго, пусть и с применением искусственных расширителей сознания. А Система рано или поздно безжалостно топтала их «железной пятой» и подрывала их радикальные движения изнутри, их вожди продавались власти буквально за понюшку «смешного табака», прилетали «черные вертолеты». Однако вера в идеальный пляж под брусчаткой только крепла.

Нам – особенно тем, кто жил в России во второй половине XX века, – эта книга должна быть особенно близка и понятна. Мы были свидетелями похожих процессов, и нам тоже казалось, что вот-вот перед нами распахнутся даль и ширь, горизонты отступят... Будущее сверкало так ярко, что впору было не снимать темные очки. Во «Внутреннем пороке» Томас Пинчон возвращает нас к этой мечте – и показывает, как она подавлялась снаружи и разъедалась изнутри. И да не смутят нас Лемурия, «переналадка мозгов» и инфернальные непотопляемые яхты. Знаете же, как говорят? Если вы помните 1960-е, значит вы в них не жили.

Переводчик благодарен первому редактору перевода этого романа Шаши Мартыновой, Владимиру Беленковичу, конкордансу *Pynchon Wiki* (за внимательность при чтении этой книги) и участникам списка рассылки *Pynchon List* (за дельные советы).

Максим Немцов, переводчик этой книги

1

Она пришла по переулку и поднялась к черному ходу, как некогда вечно бывало. Док не видел ее год с лишним. Ее никто не видел. Раньше обычно ходила в сандалиях, трусиках от ситцевого бикини в цветочек, линиялой футболке «Сельского Джо и Рыбы». Сегодня же вечером экипировалась как на плоскости носят, таких коротких волос у нее он не помнил, – в общем, некогда она клялась, что ни за что не будет так выглядеть.

– Шаста, ты это?

– Думает, у него галлюцинация.

– Наверно, просто новая упаковка.

Они стояли в свете уличного фонаря сквозь кухонное окно, на которое никогда не было особого смысла вешать занавески, и слушали топот прибоа от подножья. Бывали ночи с нужным ветром, когда прибой слышно по всему городку.

– Док, помочь надо.

– У меня теперь контора, знаешь? совсем как настоящий рабочий день, то и се.

– Я видела в телефонной книге, чуть не зашла. А потом решила – всем лучше, если будет выглядеть тайным свиданием.

Ладно, сегодня у нас никакой романтики. Облом. Но денег все равно может принести.

– Кто-то глаз не спускает?

– Час по улицам на поверхности шлялась, чтоб неплохо смотрелось.

– Пива не? – Он сходил к холодильнику, из ящика, который держал внутри, вынул две банки, одну протянул Шасте.

– В общем, есть один парень, – говорила та.

Ну а как иначе, только чего тут кипятиться? Если б ему каждый клиент, начинавший с этого, давал по никелю, он бы уже на Хавайи переселился, бухал бы круглосуточно да врубался в волны Уаймиа – а еще лучше, нанял бы кого-нибудь другого врубаться за него...

– Господин прямолинейных убеждений, – хмыкнул он.

– Ладно тебе, Док. Женатик он.

– Что-то... про деньги.

Она откинула волосы, которые, вообще-то, никуда и не падали, и вздела бровь: *и что?*

Доку-то ништяк.

– А жена – она о тебе знает?

Шаста кивнула.

– Но она тоже кое с кем видится. Только тут все не как обычно – они вместе одну жуткую аферку крутят.

– Отвалить с мужниным состоянием, ну, я, кажется, слышал о таком – пару раз в Л.-А. бывало. И... чего именно ты от меня хочешь? – Он отыскал бумажный кулек, в котором принес домой ужин, и стал деловито притворяться, будто что-то на нем записывает: мундир линейной цыпы, макияж должен изображать, что его нет вовсе, или как там – ему светил прежний знакомый стояк, на какие Шаста рано или поздно всегда годилась. Будет ли когда-нибудь этому конец, подумал он. Конечно будет. Уже есть.

Они прошли в гостиную, и Док растянулся на кушетке, а Шаста осталась на ногах и как бы дрейфовала по всей комнате.

– Это... они хотят, чтоб и я туда влезла, – сказала она. – Думают, у меня к нему доступ, когда он уязвим – или уязвимее обычного.

– С голой жопой и спит.

– Я знала, ты поймешь.

– И ты, Шаста, по-прежнему стараешься прикинуть, правильно это будет или нет?

– Хуже. – Просверлила его тем взглядом, который он помнил прекрасно. Когда помнил то есть. – Сколько верности я ему должна.

– Надеюсь, ты не у меня хочешь узнать. Помимо обычного комплекта, каким люди обязаны тем, кого ебут на постоянной основе...

– Спасибо, Дорогая Эбби про то же самое говорила.

– Ништяк. Стало быть, эмоции в сторону – давай глядеть на деньги. Какую долю он за твоё жильё платит?

– Целиком. – Лишь на секунду он уловил прежнюю дерзкую ухмылку с прищуром.

– Солидно?

– Для Хэнкок-Парка.

Док насвистел заглавные ноты битловской «Любовь за деньги не купить», забив на то, как Шаста на него посмотрела.

– И ты, конечно, за все даешь ему расписки.

– Гондон ты, если б я знала, что ты злишься до сих пор...

– Я? У меня профессиональный подход, только и всего. Сколько женушка и молчел тебе за это предлагают?

Шаста назвала сумму. Доку приходилось драпать по Пасадинской трассе наперегонки с прищипленными «роллзами», набитыми возмущенными сбытчиками герыча, – сотня миль в час по туману, давай порули по грубо сработанным зигзагам, – приходилось гулять закоулками к востоку от реки Л.-А., а для обороны в карманах штанов лишь заемный гребень для афрошевелюр, входить в Окружной суд Лос-Анжелеса и выходить из него, владея небольшим состоянием в виде вьетнамской дури, а теперь уже едва ли не убедил себя, что с той безрассудной эпохой, считай, покончено, – однако вот после такого ему опять стало как-то нервно в душе.

– Это... – тут бы осторожней, – тогда это не просто парочка «полароидов» порнухи. Шмаль в бардачок подкинуть – не 'от такое 'от...

В былые времена она неделями могла обходиться чем-нибудь не сложнее напученных губок. Теперь же вываливала на него такую тяжелую смесь лицевых ингредиентов, что прочесть их он вообще не мог. Видать, научилась в актерской школе.

– Не то, что ты думаешь, Док.

– Не переживай, думать я начну потом. Еще что?

– Толком не уверена, но, по-моему, они хотят его упрятать в какую-то дурку.

– В смысле – по закону? или типа похитить?

– Мне не рассказывают, Док, я просто приманка. – Подумать только, и такой печали у нее в голосе не звучало никогда. – Слыхала, ты в городе с кем-то видишься?

Видишь ся. Ну-ну.

– О, ты про Пенни? миленькая цыпа с плоскости, по сути, ищет тайных оттягов хиппейской любви...

– И кроме того – что-то вроде младшего окружного прокурора в конторе у Эвела Янгера?

Док приподзадумался.

– Считаешь, там кто-то может пресечь?

– Я далеко не ко всякому с этим могу прийти, Док.

– Ладно, поговорю с Пенни, посмотрим, что рассмотрим. Твоя счастливая парочка – у них имена с адресами есть?

Услышав фамилию господина постарше, он сказал:

– Это не тот ли Мики Волкманн, который вечно в газетах? Шишка в недвижимости?

– Док, об этом никому рассказывать нельзя.

– Глух и нем, работа такая. Телефончиками не желаешь поделиться?

Она пожала плечами, нахмурилась, продиктовала номер.

– Попробуй никогда по нему не звонить.

– Ништяк, а как мне с тобой связаться?

– Никак. Со старой квартиры я съехала, живу где придется, не спрашивай.

Он чуть не сказал: «У меня тут место есть», – хотя его на самом деле не было, – но уже заметил, как она озирает все, что здесь не изменилось: подлинная Доска для Дротиков из Английского Паба на колесе от фургона, лампа с крыльца борделя – с пурпурной психоделической лампочкой, у которой нить накала вибрирует, – коллекция моделей лихих тачек, спянных исключительно из банок от «Курза», пляжный волейбольный мяч с автографом Уилта Чемберлена, оставленным люминесцентным фетровым маркером «Дэй-Гло», картина по бархату, и прочее, и прочее, – с гримасой, надо признать, отвращения.

Он проводил ее вниз по склону до машины. Вечера среди недели здесь не слишком отличались от вечеров по выходным, и эта часть городка уже вся бурлила гуляками, питухами и сёрферами – они орали в переулках, торчки вышли на промысел хавчика, парни с плоскостности выгуливали стюардесс, а плоскостные дамочки с чересчур приземленной дневной службой надеялись, что их за таковых примут. Выше по склону и за полем зрения поток машин по бульвару с трассы и на трассу издавал гармонично фразированные выхлопы, которые эхом летели к морю, где экипажи нефтеналивных танкеров, слыша их, могли бы решить, что это своими ночными делами занимается дикая природа экзотического побережья.

В последнем кармане тьмы, перед сияньем Набережного проезда, они помедлили – неизменный маневр пешеходов в этих местах, обычно он предваряет поцелуй или хотя бы цап за жопу. Но Шаста сказала:

– Дальше не ходи, уже могут присматривать.

– Позвони мне или как-нибудь.

– Ты меня, Док, никогда не подводил.

– Не волнуйся, я...

– Нет, я в смысле – по-настоящему.

– А-а... да подводил.

– Ты всегда был верен.

На пляже темно уже не первый час, много Док не курил, и мимо никто не проезжал – но не успела Шаста отвернуться, он бы поклялся, на лицо ее упал свет, оранжевый, будто сразу после заката, такой поймает лицо, повернутое к западу поглядеть на океан, – кого принесет оттуда последней волной дня, прибьет к безопасному берегу.

Машина у нее хотя бы та же – «кадиллак» с откидным тряпичным верхом, он у Шасты всегда был, «эльдорато-биарриц» 59-го: его купили с рук на какой-то стоянке по Западной авеню, где они стоят близко к проезжей части, и запах того, что они там курят, сдувает прочь. Когда Шаста уехала, Док присел на лавочку на Эспланаде – за спиной в гору уходил долгий склон горящих окон – и стал смотреть на светящиеся цветы прибоа и огни запоздалых машин, что чертили зигзаги по дальнему склону Палос-Вердес. Перебрал все, чего не спросил: к примеру, насколько она теперь зависит от гарантированного Волкманном уровня праздности и власти, насколько готова вернуться к стилю жизни бикини-с-футболкой и насколько не станет ни о чем жалеть. Менее всего спрашивабельным было: много ли страсти питает она к старине Мики? Док знал вероятный ответ: «Я его люблю», – что ж тут еще? С невысказанным примечанием, что в наши дни словцо слишком уж заезжено. Если претендуешь на хиповость – непременно всех «любишь», не говоря о прочих полезных применениях вроде завлечения людей в половые игрища, заниматься которыми при наличии выбора им, может, и не слишком бы захотелось.

Вернувшись к себе, Док постоял и сколько-то поглазел на бархатную картину одного мексиканского семейства – из тех, что по выходным ставят свои прилавки вдоль бульваров по всей зеленой равнине, где по-прежнему ездят на лошадях, между Гордитой и автотрассой. Из фургонов в рань спокойных утр являлись Распятая и Тайные Вечера шириной с диван, бай-

керы-изгои на детально прорисованных «харли», забияки-супергерои в прикидах спецслужб, с «М-16»-ми и тому подобным. У Дока на картине изображался южнокалийфорнийский пляж, которого никогда не существовало: пальмы, девки в бикини, доски для сёрфинга, все дела. Док считал картину окном, в которое можно выглядывать, если не по силам смотреть в обычное стеклянное в другой комнате. В полумраке вид иногда вспыхивал – обычно, если Док курил шмаль, словно бы у Мироздания ручку контрастности сбили в аккурат до того, что все засветилось изнутри, до лучезарного края, и все стало обещать, что ночь вот-вот как-то обернется чем-то эпическим.

Но не сегодняшняя – эта скорее обещала работу. Док сел на телефон и попробовал дозвониться Пенни, но ее не было – наверное, ватусила ночь напролет нос к носу с каким-нибудь обскубанным адвокатом с многообещающей карьерой. Ну и фиг с ней. Затем позвонил своей тетке Рит, жившей дальше по бульвару, с той стороны дюн, – больше в предместье, где были домики, дворики и деревья, из-за которых район и назывался Древесным кварталом. Несколько лет назад, после развода со впавшим в грех лютеранином Миссурийского синода, владевшим автосалоном «тандербердов» и неизбывной тягой к шепутным домохозяйкам, каких обычно встречаешь в барах кегельбанов, Рит переехала сюда с детьми из Сан-Хоакина, занялась торговлей недвижимостью – и совсем немного погодя у нее уже было собственное агентство, которым она теперь рулила из бунгало на своем бескрайнем пустыре, где у нее и дом стоял. Если Доку требовалось узнать что-нибудь касаясь мира недвижимости, он шел к тетке Рит – поучасточными данными землепользования от пустыни до моря, как выражались в вечерних новостях, она владела феноменально.

– Настанет день, – предрекала она, – и для этого будут компьютеры, в них только набей, чего ищешь, а еще лучше – просто скажи ему, как тому ЭАЛу в «2001, Космической одиссее»? – и он тебе тут же выдаст столько всего, сколько тебе и не надо, про любой участок в Лос-Анжелесской низменности вплоть до испанских землеотводов: водные угодья, закладные, ипотечная история, чего б душа ни пожелала, попомни мое слово, так и будет. – Пока же в подлинном не-научно-фантастическом мире оставалась лишь тетя-Ритова сверхъестественная чуйка на все, что касалось земли, на истории, которые редко возникали в актах или договорах, особенно брачных, на семейные распри многих поколений, большие и малые, на то, где как течет – или раньше текла – вода.

Она сняла трубку на шестом звонке. В глубине орал телевизор.

– Только быстро, Док, у меня сегодня прямой эфир и еще четверть тонны грима накладывать.

– Что ты мне можешь сказать про Мики Волкманна?

Если даже секунда набрать воздуху ей потребовалась, Док не заметил.

– Уэстсайдская мафия *хихдойчей*, крупнее не бывает, строительство, сбережения и займы, где-то в Альпах зарыты необлагаемые миллиарды, говоря строго – еврей, но хочет быть нациком, часто расходится вплоть до буйства, если кто-то забывает писать его фамилию с двумя «н». Чего он тебе?

Док вкратце изложил ей суть визита Шасты и ее рассказ о заговоре против состояния Волкманна.

– В недвижимости, – заметила Рит, – бог свидетель, нас мало таких, кто чужд нравственной двусмысленности. Но есть застройщики, рядом с которыми и Годзилла – борец за охрану окружающей среды, и тебе, Лэрри, туда лучше бы не соваться. Кто платит?

– Ну...

– На авось, значит? вот так удивил. Послушай, если Шаста не может тебе заплатить, вероятно, Мики ее кинул, а она валит на жену и жаждет мести.

– Возможно. Но вот, скажем, мне захочется потусоваться и потрындеть с этим Волкманном?

Это раздраженный вздох?

– Пробовать твой обычный подход я б не рекомендовала. Он ездит везде с десятком байкеров, главным образом – выпускники Арийского братства, они ему тылы прикрывают, все говнюки такие, что клейма ставить негде. Попробуй в кои-то веки записаться на прием.

– Минуточку, я общественные науки, конечно, много прогуливал, но... евреи и АБ? Разве там нет... какой-то, как ее... ненависти?

– В Мики главное что – он непредсказуемый. Последнее время все больше и больше. Кое-кто сказал бы – эксцентрик. Я же – что он обдолбан до полного охуения, ничего личного.

– А громилы эти его – они ему верность хранят, даже если побывали там, где могли дать какую-то присягу, а в ней, возможно, там и сям пунктики про антисемитизм?

– Приблизись к чуваку на десять кварталов – они тебе под машину бросятся. Не останавлишься – гранату под колеса катнут. Хочешь с Мики поговорить, никакой спонтанности не надо, и ловчить даже не стоит. Подергай за ниточки.

– Ага, но Шасте я тоже гимора не хочу. А где, по-твоему, на него наткнуться можно, ну, типа случайно?

– Я младшей сестренке своей слово дала – ее малыша никакой опасности подвергать не стану.

– Да мы с Братством кореша, тетя Рит, я знаю, как им руку жать и прочее.

– Ладно, сраку не чью-нибудь подставляешь, пацан. Мне тут еще проблему жидкой туши для глаз решать, но мне рассказывали, Мики подолгу бывает на своем последнем надругательстве над живой природой – там у него какой-то кошмар из ДСП, называется «Жилмассив „Вид на канал“».

– А, тот. Лягаш Бьёрнсен им рекламу клепают. Вкрячивают ее в странные фильмы, про которые ты и не слыхала.

– Так, может, этим должен заниматься твой старый мусорный дружок? В ПУЛА¹ звонил?

– Про Лягаша я, вообще-то, думал, – ответил Док, – но только к трубке потянулся – вспомнил: он же Лягаш и все такое, а поэтому скорей на *меня* же всё и повесит.

– Может, тебе с нациками лучше, я твоему выбору не завидую. Будь осторожней, Лэрри. Позванивай время от времени, я тогда смогу успокаивать Элмину, что ты хотя бы жив.

Ебанный же Лягаш. Ну вот поди ж ты. По какому-то сверхчувственному наитию Док потянулся к ящику, включил и переключил на один несетевой канал, по которому крутили только древние телефильмы да непроданные пилоты – ну и, само собой, перед ним предстал лично старый бешеный пес-хиппиненавистник: здесь он левачил после того, как весь день нарушал гражданские права, – двигал в массы «Вид на канал». Под эмблемой значилось: «По замыслу Майкла Волкманна».

Как многие лос-анжелесские мусора, Лягаш – его так прозвали за предпочитаемый метод проникновения в дома – лелеял тягу к индустрии развлечений и, вообще-то, успел сыграть уже немало характерных ролей, от комических мексиканцев в «Летучей монашке» до помощников психопатов в «Странствии на дно морское», поэтому теперь платил взносы в ГКА² и получал гонорары за повторные показы. Может, продюсеры этих рекламных пауз про «Вид на канал» были до того безрассудны, что рассчитывали на какую-то узнаваемость – а может, как подзревал Док, Лягаша неким манером втянули в махинации с недвижимостью, на которых все и держалось. Но как ни верти, человеческое достоинство при этом особо не учитывалось. Лягаш возникал перед камерой в прикидах, которых стремалось бы даже смертельно серьезное калифорнийское хипье; сегодня на нем была бархатная накидка до лодыжек, вся в огурцах стольких несочетающихся «психоделических» оттенков, что ящик Дока – аппарат нижайшего класса,

¹ Полицейское управление Лос-Анджелеса. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Гильдия киноактеров.

купленный пару лет назад на автостоянке «Зоди», когда там устроили распродажу «Полнолуное полоумие», – за ними не очень поспевал. Лягаш дополнил наряд «бисером любви», темными очками с «пацификами» на стеклах и гигантским афропариком в полоску – красно-китайскую, индиго и шартрёрз. Зрителям Лягаш частенько напоминал легендарного торговца автостарьем Кэла Уортингтона – только если тот прославился тем, что у него в рекламе снимались настоящие животные, у Лягаша в сценариях фигурировал отряд малолетних террористов: они лазили по мебели образцово-показательных домов, непослушно ныряли бомбочками в дворовые бассейны, улюлюкали, понарошку стреляли в Лягаша и при этом орали: «Власть уродам!» и «Смерть Свинье!». Зрители бились в экстазе.

– Детишки-то, детишки, – восклицали они, – ух, это же что-то с чем-то! – Никакой перекормленный леопард так не раздражал Кэла Уортингтона, как эти детки доставали Лягаша, однако тот был профи, куда деваться, и ей-же-ей мужественно все претерпевал – пристально изучал фильмы У. К. Филдза и Бетти Дейвис, когда их показывали: набраться уму-разуму и, может, понять, что делать в одном кадре с детишками, чья прелесть для него всегда оставалась в лучшем случае проблематичной.

– Мы подружмся, – хрипло каркал он как бы себе под нос, делая вид, что не может не дымить сигаретой, – *дружбанами* будем.

Тут в наружную дверь забарабанили, и Дока вдруг осенило, что это наверняка сам Лягаш – сейчас опять эту дверь лягать станет, как в стародавние времена. Но оказалось – Денис, живший ниже по склону; все произносили его имя так, чтоб рифмовалось с «пенисом», и теперь он выглядел ошалелее обычного.

– В общем, Док, я по Дюнной иду, знаешь, там аптека еще, и тут типа вижу их вывеску – «Аптечный»? «Магазин»? Ничего себе, да? Тыщу раз мимо ходил, а никогда не *замечал* – Аптечный, Магазин! отпад, чувак, в общем, захожу, там за стойкой Улыба Стив, а я ему такой типа: «Ага, здрасьте, мне б у вас аптекой разжиться?» – ой, на, добей, если хочешь.

– Спасибо, я себе только губу обожгу.

Денис уже заплыл на кухню и шарил в холодильнике.

– На хавчик пробило, Денис?

– А то. Знаешь, как Годзилла всегда Мотре говорит: пошли сметем чего-нибудь?

Они поднялись на Дюнную и свернули влево, в веселые кварталы. «Канальная Пицца» вся ходила ходуном, дым столбом, хоть топор вешай, другого края стойки не видать. Музыкальный автомат, слышный аж до Эль-Порто и дальше, играл «Сладко-сладко» «Арчиков». Денис пробрался на кухню разузнать насчет пиццы, а Док стал смотреть, как Энсенадский Дылда управляет в уголке с машиной Готтлиба. Дылда владел и рулил мозговой лавочкой неподалеку – «Вопящим ультрафиолетовым мозгом», – а здесь был чем-то вроде сельского старейшины. Выиграв десяток бесплатных партий, он прервался, заметил Дока и кивнул.

– Пива хочешь, Дылда?

– Я на Проезде не Шасты ли тачку видал? Здоровую, со складным верхом?

– Заглянула на минутку, – ответил Док. – Чудно с нею снова встретиться. Всегда прикидывал, что в следующий раз увижу ее по ящику, не лично.

– Во как. Иногда мне и кажется, не она ли там, возле края экрана? только это всегда кто-нибудь похожий. И вечно глаза напрягаешь, само собой.

Грустно, а правда, как всегда грит Дион. В средней школе Плайя-Виста четыре раза подряд в ежегодниках Шаста становилась Красавицей Класа, в школьных постановках вечно играла инженерю, грезилась, как прочие, о кино и, едва смогла, тут же умчалась вдоль по трассе искать в Холливуде съемную квартиру подешевле. Док же, не считая того, что был у нее чуть ли не единственным знакомым торчком, не сидевшим на героине, а оттого у них обоих имелась масса свободного времени, так никогда и не понял, что, помимо этого, она в нем разглядела. Да и вместе они пробыли не то чтоб так уж долго. Вскоре ей звонили из актерских отделов,

ее нанимали в театр, как на сцену, так и за нее, а у Дока началось собственное ученичество – разыскивать сбежавших должников, – и оба они, потихоньку определяя различные кармические термалы над мегаполисом, наблюдали за отплытием друг друга к разным судьбам.

Денис вернулся с пищей:

– Забыл, с чем просил. – Такое в «Канальной пище» бывало каждый вторник – «Ночь Дешевой Пиццы», когда пицца любых габаритов с чем угодно стоила ровно \$1,35. Теперь Денис сидел и пристально ее разглядывал, точно она сейчас что-нибудь отмочит.

– Это кусман папайи, – предположил Дылда, – а вот это... свиные шкварки, что ли?

– И йогурт с бойзеновой ягодой на пище? Денис, ну честно – вле-э-э. – Это Сортилеж, раньше она работала у Дока, а потом из Вьетнама вернулся ее дружок Костыль, и она решила, что любовь важнее постоянной работы, – по крайней мере, Доку мстилось, что он запомнил ее объяснения так. По-любому ее таланты располагались в чем-то другом. Она общалась с невидимыми силами, умела диагностировать и решать всевозможные задачи, как эмоциональные, так и физические, и занималась этим по преимуществу бесплатно, однако время от времени брала не наличкой, а травой или кислотой. Док не знал случаев, когда она бы ошиблась. Теперь Сортилеж рассматривала его причесон, и Дока, по обыкновению, скрутило спазмом оборонительной паники. Наконец, энергично кивнув: – Сделал бы уже что-нибудь?

– Опять?

– Лишний раз сказать не помешает – смени прическу, поменяй жизнь.

– Что посоветуешь?

– Тебе решать. Как интуиция подскажет. А ты не против, Денис, если я у тебя, вообще-то, позаимствую этот кусочек тофу?

– Это суфле, – ответил Денис.

Вернувшись к себе, Док свернул мастырку, включил ночное кино, нашел старую футболку и сел рвать ее на короткие полоски шириной в полдюйма, пока не собралась горка штук в сто, после чего ненадолго зашел в душ и, пока сохли волосы, одну за другой собирал узкие пряди и накручивал каждую на эти лоскуты футболки, которые потом закреплял простыми кнопками, – так он прошелся по всей голове, а потом сушил, может, полчаса феном и за это время то ли уснул, то ли нет, затем развязал узлы и все расчесал кнаружи вверх тормашками, чтобы вышло, на его взгляд, относительно презентабельное подобие афро белого человека, полутора футов в диаметре. Аккуратно сунув голову в магазинную коробку из-под бухла, чтоб сохранить форму, Док лег на кушетку и на сей раз действительно заснул, а под самое утро ему приснилась Шаста. Не то чтоб они совсем уж еблись, но что-то вроде. Из своих других жизней они оба выплыли – так, бывает, паришь в предрассветных снах, – дабы встретиться в странном мотеле, который в то же время был вроде бы парикмахерской. Шаста твердила, что «любит» какого-то парня, но по имени его ни разу не назвала, хотя Док, когда наконец проснулся, прикинул, что она, должно быть, имела в виду Мики Волкманна.

Спать дальше бессмысленно. Он доковылял вверх по склону в «Уэволны» и отзавтракал с упертыми сёрферами, которые сидели здесь всегда. Подошел Флако-Гад.

– Чувак, тебя тут опять тот легавый искал. Что это у тебя на голове?

– Легавый? Это когда было?

– Вчера вечером. К тебе заходил, но тебя не было. Детектив из убойного в центре, у него еще «эль-камино» весь битый, с движком на 396.

– Это Лягаш Бьёрнсен был. Чего же мне дверь тогда не вышиб, как обычно?

– Может, и собирался, но потом сказал что-то вроде «Завтра будет другой день»... который уже сегодня, верно?

– Только через мой труп.

Контора Дока располагалась у аэропорта, чуть съехать с Восточной Имперской. Помещение он делил с доктором Бадди Трубстеном, чья врачебная практика сводилась преимущественно к инъекциям «витамина В₁₂» – таким благоречием прозывалась эскулапова собственная смесь амфетаминов. Сегодня, даром что спозаранку, Доку пришлось протискиваться мимо очереди пациентов с недостатком В₁₂ в организме, вытянувшейся аж на парковку: домохозяйки пляжного городка с определенным показателем меланхолии, актеры, которым надо на прослушивания, дочерна пропеченные дедули перед суетливым днем рассусоливаний на солнышке, стюардии только что с какого-то высоконапряженного ночного авиарейса, даже несколько законных больных с пагубной анемией или вегетарианской беременностью – все они спросонок шаркали ногами, куря одну от другой, сами с собой беседуя, и по очереди проскальзывали в фойе шлакоблочного домика через турникет, за которым их записывала Петуния Припуск с планшетом в руке, красotka в крахмальном чепчике и микродлинном медицинском халатике – не столько настоящей медсестринской форме, сколько похотливым к ней комментарием: д-р Трубстен уверял, что закупил целую фуру таких у «Фредерика Холливудского» чуть ли не по оптовой цене – всю линейку модных пастелей, и сегодняшний цвет был морской волны.

– Утро, Док. – Петунии удалось мурлыкнуть это с мелодичностью салонной певицы – как норковыми ресницами ему похлопала, только в вокальном эквиваленте. – Отличная ‘фро.

– Здоров, Петунья. По-прежнему замужем за этим, как-его-там?

– Ой, Док...

Подписывая договор аренды, два съемщика, будто соседи по палатке в летнем лагере, подбросили монету, кому отойдет верхний этаж, и Док проиграл – или, как ему нравилось думать, выиграл. Вывеска у него на двери гласила «Расследования ЛСД», и ЛСД, как он объяснял, когда спрашивали, означало «Локация, Слежка, Дознание». Под надписью любимыми психоделическими красками – зеленою и пурпуром – изображалось гигантское глазное яблоко, налитое кровью, а субподряд на детальную прорисовку буквально тысяч взбесившихся капилляров отдали коммуне аперов, которые с тех пор давно уже откочевали в Соному. Было известно, что потенциальные клиенты часами разглядывают этот окулярный лабиринт, часто забыв, зачем вообще сюда явились.

Вообще-то, один посетитель Дока уже дожидался. Необычным в нем было то, что – черный. Нет, черную публику по временам засекали к западу от Портовой магистрали, но чтоб забираться так далеко от обычного ареала, практически к самому океану – это вполне диковина. Последний раз, когда в Гордита-Пляже помнили черного автолюбителя, к примеру, по всем полицейским частотам раздавались тревожные вызовы подкрепления, собралась небольшая ударная группа легавых крейсеров, и по всей Тихоокеанской береговой трассе понаставили блокпостов. Старый гордитский рефлекс, он завелся вскоре после Второй мировой, когда в городок на самом деле вздумала переехать черная семья и граждане, вняв полезному совету ку-клукс-клана, попросту спалили их дом дотла, а затем, словно в дело вступило некое древнее проклятье, не давали на этом пустыре больше ничего строить. Участок так и пустовал, пока его не конфисковали городские власти и не разбили на нем скверик, куда молодежь Гордита-Пляжа в соответствии с законами корректировки кармы вскоре стала собираться по ночам бухать, ширяться и ебстись, расстраивая скорее родителей, а не стоимость недвижимости.

– Гля, – приветствовал Док посетителя, – как оно ничо, брат мой?

– Вот это нахер, – отвечивал черный парняга, представившись как Тарик Халил и некоторое время вперяясь – оскорбительно в иных обстоятельствах – в аффо Дока.

– Ну. Заваливайте.

В кабинете Дока стояла пара мягких банкеток с высокими спинками, обитых пластиком цвета фуксии, – они смотрели друг на друга через столик, покрытый формайкой приятной тропической зелени. Вообще-то, они были блочной кабинкой из кофейни – Док поживился ими на ремонте где-то в Хоторне. Тарику он махнул, чтобы сел напротив. Уютно. На столике

между ними валялись телефонные справочники, карандаши, каталожные карточки три на пять в ящичках и без, дорожные карты, сигаретный пепел, транзисторный радиоприемник, защепки для косяков, кофейные чашки и машинка «Оливетти Леттера 22», в которую Док, бормотнув:

– Щас квитанцию подготовлю, – заправил лист бумаги, ранее, похоже, неоднократно применявшийся для какого-то диковинно-маниакального оригами.

Тарик наблюдал скептически.

– У секретарши отгул?

– Вроде того. Но я запишу все пока тут, а перепечатают потом.

– Ладно, в общем, мы с одним парнем на киче парились. Белый он. Арийский Братуха, вообще-т. Мы с ним кое-какие дела варили, теперь оба откинулись, а он мне должен. В смысле, кучу денег. Подробнее не могу, я клятву дал не рассказывать.

– А имя хоть можете?

– Глен Муштард.

Иногда лишь имя произнесут, а у тебя резонирует. Тарик говорил как человек, у которого разбито сердце.

– Знаете, где он теперь?

– Только на кого работает, знаю. Он телохранитель у строителя по фамилии Волкманн.

У Дока вдруг polegчало в голове – несомненно, от наркотиков. Из слабости он вынырнул на параноидальном приходе, но была надежда – не слишком заметном Тарику. Сделал вид, что изучает квитанцию, которую печатал.

– Если позволите, мистер Халил, как вы слышали об этом агентстве?

– Млат Потит.

– Ух ты. Привет из прошлого.

– Говорил, вы ему помогли выпутаться еще в 67-м.

– Тогда в меня впервые стреляли. Вы с ним по гостинице знакомы?

– Нас обоих стряпать учили. Млату париться там еще, может, с годик.

– Я помню его, когда он и воды вскипятить не мог.

– Видели б сейчас – он и из-под крана кипятит, и «Острые стрелы», и содовую, и «Перье», что угодно. Котельщик будь здоров.

– Так если позволите очевидный вопрос: если вы знаете, где сейчас работает Глен Муштард, чего не пойти туда и прямо не поискать его – зачем посредника нанимать?

– Затем, что этого Волкманна день и ночь окружает типа как армия Арийского Братства, а если Глена в учет не брать, у меня с этими долбоебами-нациками никогда не было особо душевных отношений.

– А-а – стало быть, надо заслать туда какого-нибудь белого, чтоб *ему* башку проломили.

– Более-менее. Но я бы предпычел кого-нить поубедительней.

– Чего мне недостает *возвы*-шением, – в миллионный или около-того-нный раз за свою карьеру объяснил Док, – я компенсирую *отно*-шением.

– Ладно... эт запросто... я у дяди на поруках временами такое видал.

– А пока срок мотали – вы в банде какой-нибудь состояли?

– Черная партизанская семья.

– Дружина Джорджа Джексона. И вы говорите, с кем дела вели, с Арийским Братством?

– Мы поняли, что у нас во многом схожие мнения о правительстве США.

– М-м, такая расовая гармония, тут я врубаюсь.

Тарик смотрел на Дока с чудной напряженностью, глаза у него пожелтели и заострились.

– Что-то еще есть, – предположил Док.

– Моя прежняя банда, Артезийские Кáлики. Когда я из Чино вышел, давай их разыскивать – и вижу, не только их никого нет, а и сама поляна пропала.

– Отпад. В каком смысле – пропала?

– Нет ее. Размололи в куски. Одни чайки кормятся. Думаю, глюки у меня, поездил по округе немного, возвращаюсь – все равно нету.

– Ага. – Док напечатал: «Не галлюцинирует».

– Никого и ничего. Город-призрак. Только щит здоровенный торчит: «Скоро на Этом Месте», – дома по дятловым ценам, торговый центр, еще какая-то срань. И угадайте, кто там строит.

– Опять Волкманн.

– Точно.

На стене у Дока висела карта местности.

– Покажите. – Район, в который ткнул Тарик, располагался вроде бы по прямой отсюда на восток, вдоль бульвара Артезия, и через полторы минуты чтения карты Док сообразил, что это, должно быть, и есть участок «Жилмассива „Вид на канал“». Он сделал вид, будто определяет национальность Тарика: – А вы, типа еще раз, кто – японец?

– Э-э, вы давно ли этим занимаетесь?

– Похоже, тут к Гардене ближе, а не к Комптону, только и всего.

– Вторая мировая, – ответил Тарик. – До войны крупная часть Южного Центра все еще была японскими кварталами. Тот народ отправили в лагеря, а мы заселились как новые япы.

– И теперь ваша очередь двигаться дальше.

– Скорее месье белого человека. Трассы возле аэропорта не хватило.

– Месье за?..

– Уоттс.

– Беспорядки.

– Кое-кто из нас говорит «восстание». Важняк – он просто выжидает.

Долгая печальная история лос-анжелесского землепользования, как никогда не уставала подчеркивать тетка Рит. Мексиканские семьи вышвырнули из оврага Чавес, чтобы выстроить стадион «Живчикам», из Банкер-Хилла вымели индейцев ради Центра музыки, район Тарика весь сгребли бульдозерами для «Вида на канал».

– Если я раздобуду вам однокрытника, он вам долг вернет?

– Не могу вам сказать, какой он.

– И не нужно.

– А, и вот еще – авансом я вам ничего дать не смогу.

– Это ништяк.

– Млат был прав – вы один такой ебанутый белый.

– Как поняли?

– Сосчитал.

2

Док поехал по трассе. На восточных полосах кишели автобусы-«фольксвагены» в дрожках огурцах, уличные полусферы в одной грунтовке, деревяшки из настоящей дирборнской сосны, «порши» с телезвездами за рулем, «кадиллаки» со стоматологами, что направляются на внебрачные свиданки, беззаконные фургоны, в которых разворачиваются зловещие подростковые драмы, пикапы с матрасами, набитые сельской родней из Сан-Хоакина, – все они катили бок о бок в эти огромные застроенные поля без горизонтов, под линиями электропередачи, и все приемники лазерно нацелены на ту же парочку последних АМ-станций, под небом, что как разбавленное молоко, а белая бомбардировка солнца засмоглена до невнятного мазка вероятности, в чьем свете поневоле задашься вопросом, возможно ли когда-нибудь то, что можно считать психоделикой, или – облом! – все это время она происходила где-то на севере.

Начиная с Артезии, знаки повели Дока к «Жилмассиву „Вид на канал“, по замыслу Майкла Волкманна». Там попадались ожидаемые местные парочки, которым не терпелось взглянуть на следующий КуГоЗаЦ³, как тетка Рит склонялась называть большинство своих знакомых типовых домов. То и дело по краям ветрового стекла Док засекал черных пешеходов, офигелых так же, как, должно быть, и Тарик: может, они искали свой прежний район, комнаты, где раньше день за днем жили, – неизменные, как оси пространства, но теперь их отобрали на беспорядок и разор.

Стройка тянулась в дымку, в мягкий аромат туманной составляющей смога и пустыни под мостовой – ближе к дороге образцовые прототипы, чуть в глубине законченные дома, а сразу за ними скелеты новых построек, уходят в еще не ставшие городом пустоши. Док миновал ворота и доехал до участка голого строительного ортштейна: дорожные указатели установили, но улицы еще не замостили. Оставил машину на будущем углу Кофмена и Броуда и вернулся пешком.

Отсюда открывались профильтрованные виды на чуть ли не совсем заброшенный рукав канала Домингеса для защиты от паводков – забытого и отрезанного милями свалок, перепрофилирования, отходов промышленных предприятий, что либо процвели, либо провалились, – и домики выглядели более-менее испански-колониально: с не-обязательно-несущими балкончиками и красными черепичными крышами, они по задумке должны были навевать мысли о более дорогостоящих городках вроде Сан-Клементе или Санта-Барбары, хотя пока вокруг, куда хватало глаз, не торчало ни одного тенистого дерева.

Поближе к будущим парадным воротам «Вида на канал» Док обнаружил кустарный торговый мини-центр, устроенный, по сути, для публики со стройки: винный магазин, бутербродную с обеденной стойкой, пивбар с бильярдным столом и массажный салон под названием «Планета цып», перед которым с военной аккуратностью выстроились в ряд ухоженные мотоциклы. Вероятнее всего, тут он и найдет отборных говнюков. Кроме того, если все они сейчас здесь, немала возможность, что и Мики с ними. Предположив далее, что хозяева этих мотоциклов расположились здесь с приятностью проводить время, а не засели всем полком в засаде, дабы надрать ему задницу, Док поглубже вздохнул, весь укутался белым светом и переступил порог.

– Здравсьте, я Нефрит? – Бодрая азиатка в бирюзовом чонсае вручила ему ламинированное меню с перечнем услуг. – И обратите, пожалуйста, внимание на Блюдо Дня для Киско-едов – предложение действует до самого закрытия?

– М-м, да и \$14,95 – совершенно ништяцкая цена, только мне вообще одного парня б найти, он у мистера Волкманна работает?

³ Зд.: кусок говна с завышенной ценой.

– Отпад. А киску ест?
– Видите ли, Нефрит, вам это лучше знать, а парня зовут Глен?
– Ох, ну еще бы, Глен к нам ходит, как они все. У вас мне сигаретки не найдется? – (Док вытряс ей «Холодок» без фильтра.) – У-у, как в крытке. Там-то киской не объешься, а?
– Мы с Гленом где-то в одно время в Чино были. Вы его сегодня видели?
– С минуту назад, пока все вдруг не слиняли. Тут что, какая-то дичь творится? Вы топтун?
– Сейчас поглядим. – Док обозрел свою обувь. – Не-а... не те ботинки.
– Я-то чего спросила – если вы топтун, вам полагается бесплатный анонс нашего Блюда Дня для Кискоедов?
– А если, скажем, лицензированный ЧС?⁴ Это не...
– Эй, Бэмби! – Из-за бисерного полога, словно в тайм-ауте матча по пляжному волейболу, шагнула блондинка в бирюзово-оранжевом люминесцентном бикини.
– Ой-ёй, – произнес Док. – Куда нам...
– Не с тобой, Бонгомозглый, – пробормотала Бэмби; Нефрит уже потянулась к этому бикини.

– Ой, – сказал Док. – Э-э... понимаете, я-то решил, что это? где сказано «Блюдо Дня для Кискоедов»? а это значит, что...

В общем... ни та девушка, ни другая больше не обращали на него особого внимания, хотя из учтивости Док полагал, что еще какое-то время посмотреть стоит, пока они наконец не нырнули под стойку приемной, а он не отправился побродить в рассуждении осмотреться. В вестибюль откуда-то спереди сочились индиговый свет и частоты еще темнее – вместе с музыкой, отягощенной струнными: полпоколения назад она звучала с долгоиграющих пластинок, собранных, чтобы аккомпанировать ебле в холостяцких берлогах.

Вокруг никого не было. Такое чувство, что, может, кто и был, но пока Док тут не появился. Внутри к тому же все оказалось больше, чем снаружи. Имелись там апартаменты с черным светом, флуоресцентными рок-н-рольными плакатами, зеркальными потолками и вибрирующими водяными постелями. Мигали стробоскопические огни, пирамидки благовоний курились лентами мускусного дыма, а косматые ковры из искусственной ангорской шерсти многообразных оттенков, включая бычью кровь и голубоватую зелень, не всегда ограниченные поверхностями пола, соблазнительно манили к себе.

Приближаясь к тылам заведения, Док начал различать снаружи многих ор и массивный рев «харли».

– О-ёй. Это еще что?

Но так и не выяснил. Может, из-за ввода экзотических сенсорных данных, но Док тут же ни с того ни с сего лишился чувств и утратил неведомую порцию дня. Возможно, по пути к полу ударился о некий обычный предмет, отчего, в конце концов придя в себя, обнаружил на голове болезненную шишку. Во всяком случае, гораздо быстрее, нежели персонал в «Медицинском центре» способен произнести «субдуральная гематома», Док врубился, что нехиповый музон безмолвствует, вокруг ни Нефрит, ни Бэмби, а сам он лежит на цементном полу в помещении, коего не узнал, хотя того же нельзя было сказать о физиономии, опознанной им ныне как лицо лейтенанта уголовной полиции Лягаша Бьёрнсена из Полицейского управления Лос-Анжелеса, злобно лучившееся в вышине, словно планета злосчастья в сегодняшнем гороскопе.

– Поздравляю, хипповская мразь, – приветствовал Дока Лягаш своим уж-очень-хорошо-знакомым голосом 30-го класса вязкости, – и добро пожаловать в мир неудобств. Да, на сей раз тебе все-таки удалось вляпаться в такое, что слишком реально и глубоко, и свою никчемную

⁴ Частный сыщик.

хипповскую жопу ты уже отсюда не выглячишь. – В руке он держал – и время от времени от него откусывал – свой фирменный замороженный банан в шоколаде.

– Здорово, Лягаш. На укус можно?

– Конечно можно – только придется подождать, мы ротвейлера в участке забыли.

– Спеху нет. А... а где мы в данный момент, еще раз?

– В «Жилмассиве „Вид на канал“», на будущем участке дома, где члены какой-нибудь физически крепкой семьи уже вскоре каждый вечер станут собираться и паять в ящик, пожирать питательную закуску, а после того, как детки уgomонятся, может, даже пробовать какой-никакой воспроизводственный разогрев, – и мало будут они ценить тот факт, что некогда на этом самом месте в обдолбанном ступоре валялся печально известный правонарушитель, бессвязно лопотал что-то задержавшему его детективу убойного отдела, с тех пор достигшему чинов повыше.

Невдалеке по-прежнему просматривались парадные ворота. Сквозь путаницу каркасов на скобах в послеполуденном свете Док различал смутные дали улиц, полнившихся только что залитыми фундаментами, ожидавшими, когда на них сверху встанут дома, траншеями для канализации и линий электропитания, баррикадами из козел, на которых огни мигали даже днем, блоками для дождевых коллекторов, кучами засыпки, бульдозерами и канавокопателями.

– Не желаю казаться нетерпеливым, – продолжал лейтенант, – но как только тебя к нам потянет, мы б с таким наслаждением потрещали.

Вокруг шибались подхалимы в мундирах, восхищенно похмыкивали.

– Лягаш, я не знаю, что произошло. Последнее, помню, был вон в том массажном салоне? Азиатская цыпа, звать Нефрит? и ее белая подружка Бэмби?

– Несомненно, мозг, маринованный парами каннабиса, выдает желаемое за действительное, – построил теорию детектив Бьёрнсен.

– Но я же типа ничего не делал? Что б там ни было?

– Еще бы.

Лягаш не сводил глаз, с приятным удивлением закусывая мороженым бананом, а Док меж тем принялся за утомительную задачу вернуть себе вертикальность, вслед за чем нужно было разобраться уже с деталями – как удержаться в этом положении, как перемещаться, тому подобное. Примерно тут-то он и заметил краем глаза бригаду судмедэксперта вокруг человеческого тела, лежавшего в потеках крови навзничь на каталке: вещь в себе, как нежареная праздничная индейка, – и лицо накрыто дешевым казенным одеялом легавого образца. Из карманов штанов у трупа все время что-то падало. Фараонам приходилось шарить в пыли, собирать. Док поймал себя на том, что у него едет крыша – в смысле желудка и прочего.

Лягаш Бьёрнсен осклабил:

– Да, я готов сострадать твоему гражданскому расстройству, хотя, будь ты поболе мужчиной и помене ссыкливым хипьем-уклонистом, кто знает, может, в ‘Наме и насмотрелся бы такого, чтоб разделить даже мою профессиональную скуку при виде очередного, как мы их называем, жмура и не сравить.

– Кто это? – Док кивнул на труп.

– Был, Спортелло. Здесь, на Земле, мы уточняем – «был». Знакомся, Глен Муштард, коего лишь несколько часов назад ты разыскивал по имени, свидетели в этом поклянутся. Забывчивым пыжикам надо бы поосторожней с теми, кого они выбирают, чтоб навязать свои шизанутые фантазии. Дальше больше – по первому впечатлению, ты предпочел потемнить личного телохранителя Мики Волкманна, а у него очень большие связи. Имя в колокольчик не звонит? или в твоём случае – в бубен не бьет? Ах, но вот и наш извозчик.

– Эй – а моя машина...

– Как и ее хозяин, прочно изъята.

- Довольно бесчеловечно, Лягаш, даже для тебя.
- Ладно-ладно, Спортелло, ты же знаешь, мы более чем рады тебя подбросить. Смотри, голову...
- Смотреть... И как мне ее смотреть, чувак?

В центр они не поехали – из соображений легавого протокола, навсегда оставшихся темными для Дока, его привезли только в Комптонский участок, где машина заехала на стоянку и помедлила у мятого «эль-камино» 68-го года. Лягаш вылез из черно-белой синеглазки, зашел за нее и открыл багажник.

- Давай-ка, Спортелло, – иди сюда, подсобнешь.
- Что это, прошу прощения, за, – поинтересовался Док, – хуйня?
- Колючка, – ответил Лягаш. – Катушка в 80 родов, четырехперая оцинкованная, надлежаше одобрена самим Глидденом. С той стороны подхватишь?

Дрянь эта весила фунтов сто. Легавый за рулем сидел и смотрел, как они вынимают катушку из багажника и перекладывают на грузовую платформу «эль-камино» – тачки Лягаша, как припомнил Док.

- Скот нарушает, Лягаш, там, где ты живешь?
- О, эту проволоку на заборы не натягивают, с ума сошел, ей семьдесят лет, в употреблении не была...

– Погоди. Ты никак... собираешь... колючую проволоку.

Ну да, как выясняется, – а также шпоры, сбрую, ковбойские сомбреро, салунную живопись, шерифские звезды, изложницы для пуль, всякую другую хренотень Дикого Запада.

- То есть если *ты* не против, Спортелло.
- Эгей, полегче, Веселый Ранчер, я никакому коллекционеру колючки слова поперек не скажу, чего люди себе в пикапы складывают – их дело, нет.

– Я б надеялся, – фыркнул Лягаш. – Давай зайдем-ка, поглядим, есть ли открытая камера.

В истории отношений Дока с Лягашом, начавшейся с незначительных стычек из-за наркоты, задержаний-с-обыском по всей Сепульведе и повторных ремонтов входной двери, пару лет назад случилась эскалация в деле Обедвода – в те времена Док еще занимался подобным матримониальным убожеством. Супруг, налоговый бухгалтер, решивший, что качественную слежку можно себе оторвать за недорого, нанял Дока поглядывать за супругой. Через пару дней наблюдения за домом ее дружка Док решил залезть на крышу и через световой люк получше разглядеть, что творится в спальне, где вся деятельность оказалась довольно пресной – шашли еще возможно, а вот машлей недобор, – посему, чтобы скоротать время, Док запалил косяк, извлеченный из кармана в темноте, а тот оказался более снотворным, нежели Док рассчитывал. Совсем немного погодя он заснул, полускатился-полусоскользнул по весьма пологой черепичной крыше и остановился головой в водосточном желобе, где ему и удалось проспать все последовавшие события, включая приезд муженька, много криков и пальбу до того громкую, что соседям пришлось вызвать полицию. Явился Лягаш, случившийся в синеглазке неподалеку, и обнаружил супруга и молчела уже без признаков жизни, а супруга, привлекательно растрепанная, всхлипывала и пялилась на.22-й калибр у себя в руке так, будто видела его впервые в жизни. Док же на крыше преспокойно храпел дальше.

Ускоренная перемотка в Комптон, наши дни.

– Нас заботит, – старался объяснить Лягаш, – вот этот, как мы в Убойном любим его называть, «шаблон»? Вот уже известный нам второй раз, когда тебя обнаруживают спящим на месте серьезного преступления и ты при этом неспособен – осмелюсь ли предположить, «не желаешь»? – сообщить нам никаких подробностей.

– В волосах у меня куча листиков, веточек и прочей срани, – похоже, припомнил Док; Лягаш ободряюще кивнул. – И... там была пожарная машина с лестницей? должно быть, так я и слез с крыши? – Некоторое время они смотрели друг на друга.

– Я скорее имел в виду чуть раньше сегодня, – Лягаш с ноткой раздражения. – Жилмассив «Вид на канал», массажный салон «Планета цып», такое вот.

– Ох. Ну, чувак, я ж был без сознания.

– Да. Да, но до этого, когда у вас состоялась эта фатальная встреча с Гленом Муштардом... когда, по-твоему, это было точно, в порядке событий?

– Я же сказал – когда я его впервые увидел, он уже был мертвый.

– Тогда его коллеги. Со сколькими ты уже знаком?

– Обычно я не тусуюсь с такими ребятами, совершенно не та карта назначений – слишком много хмурого да белого.

– Плановые, вы такие исключительные. Ты бы мог сказать, что *оскорбился* оттого, что Глен предпочитает барбитураты и амфетамины?

– Ага, как раз собирался настучать на него в Драпарный комитет по нормам и этике.

– Да, известно, что твоя ныне бывшая подруга Шаста Фей Хепчест – близкий друг Гленова работодателя Мики Волкманна. Как ты считаешь, Глен и Шаста были... ну, понимаешь... – Он сложил одну руку в вялый кулак, а средним пальцем другой поелозил в нем туда-сюда, Доку показалось, как-то слишком уж долго. – Каково было тебе от этого – у тебя по ней еще факел не погас, а она там в компании всей этой нацистской швали?

– Не останавливайся еще немного, Лягаш, у меня, по-моему, встает.

– Крутая макаронная мартышка, как всегда грит мой герой Жирдяй Джадсон.

– Вдруг ты забыл, лейтенант, но мы с тобой почти одно дело делаем, вот только у меня нет бесплатного билета на отстрел людей и так далее. Но сиди я на твоём месте, наверно, действовал бы так же, – может, дальше завел бы что-нибудь про мою маму. Или, видимо, *твою*, поскольку ты был бы мной... Это я верно усек?

Только к разгару часа пик Доку дали позвонить адвокату – Сончо Вьюноксу. Вообще-то, Сончо работал в Марине на фирму морских правоведов, которая называлась «Харди, Гридли и Четфилд», и резюме его лишь чуть-чуть не добивало до криминала. Познакомились они с Доком случайно как-то вечером в «Продовольственном гиганте» на Сепульведе. Сончо, тогда еще торчок-новичок, только-только узнал про отделение семян и стеблей и собирался затаиться ситом для муки – и тут подсел на измену, что народ за кассой сразу *поймет, зачем ему это сито*, и вызовет полицию. Его скрутило параноидальным столбняком, и в этот миг Док, которого среди ночи пробило на шоколадный хавчик, вырулил из прохода с мусорной закуской и врезался своей тележкой в транспорт Сончо.

В столкновении рефлексy пробудились.

– Эй, ты не против, если я сито к тебе положу типа для маскировки?

– Чего ж нет, – ответил Док, – но если ты, чувак, параноить собираешься, как насчет всего этого шоколада?..

– Ой. Тогда... может, стоит положить еще немножко, знаешь, чего-нить невинного с виду...

Когда они добрались до кассы, им как-то удалось приобрести добрища на лишнюю сотню долларов, включая полдюжины обязательных коробок смеси для кексов, галлон гуакамолe и несколько гигантских мешков кукурузных чипсов, коробку газировки из бойзеновой ягоды, которую в магазине же и разливали, почти все, что располагалось в витрине мороженных десертов «Сэры Ли», лампочки и стиральный порошок для пушей достоверности в прямолинейном мире, а после, казалось, не одного часа в Отделе международных товаров к покупкам добавились разнообразные японские пикули в вакуумном целлофане, которые клево смотрелись. В какой-то момент посреди всего этого Сончо упомянул, что он юрист.

– Отпад. Мне всегда говорят, что мне нужен «специалист по уголовному праву», что, ничего личного, пойми меня верно, однако...

– На самом деле я спец по морправу.

Над этим Док задумался.

– То есть... морпех с юридической практикой? Не, погоди – ты адвокат, который защищает только морскую пехоту...

Пока разбирались, еще Док узнал, что Сончо только что выпустился с юрфака ЮК⁵ и, подобно многим недавним выпускникам, кто не в силах отказаться от прежней общажной жизни, проживает ныне на пляже – не так уж и далеко от самого Дока.

– Может, карточку дашь? – сказал Док. – Нипочем не угадаешь. Дележка яхты, разливы нефти, что-нибудь.

Сончо никогда официально не получал предварительных гонораров, но после нескольких панических полуночных звонков от Дока в нем неожиданно проснулся талант общения с поручителями и участковыми конторскими крысами по всей Югляндии, и они оба однажды осознали: что называется, де-факто он стал адвокатом Дока.

Ныне Сончо снял трубку в некоторой ажитации:

– Док! У тебя ящик работает?

– У меня тут только три минуты на звонок, Сонч, меня забрали в Комптон, и это опять Лягаш.

– Ага, ну а я тут мультики зырю, а? и этот Доналд Утк тут такой прям крышу мне сносит? – У Сончо в жизни было не так уж много людей, с которыми можно поговорить, и Дока он всегда держал за легкую добычу.

– Сонч, ручка есть? Вот номер дела, записывай... – Док начал диктовать ему номер, очень медленно.

– Тут типа Доналд и Балбес, ага, и они на спасательном плоту в море дрейфуют? уже не первую неделю? и немного погода начинаешь замечать, если Доналда близко показывают, да у него – *щетина* никак? типа на клюве прямо растет? Врубаешься, какой тут смысл?

– Если мне выпадет минутка об этом подумать, Сонч, но тут вот Лягаш как раз идет, и вид у него такой, поэтому ты мне номер прочитай, ладно, и...

– У нас всегда было представление о Доналде Утке, мы предполагаем, он в обычной жизни так и выглядит, а на самом деле ему *каждый день* ходить надо и *клюв брить*. Я так прикидываю, это все Дейзи. Понимаешь, а это значит, какие еще требования к личной гигиене эта утя ему выкатывает, ага?

Лягаш стоял и насвистывал какую-то кантри-песнюшку, пока Док, не весьма исполнившись надежд, не повесил трубку.

– Так, на чем мы остановились. – Лягаш сделал вид, что просматривает какие-то записи. – Пока подозреваемый – это ты – якобы кемарит днем, что так необходимо для хипповского стиля жизни, в непосредственной близости от жилмассива «Вид на канал» происходит некий инцидент. В ход идет огнестрельное оружие. Когда оседает пыль, мы обнаруживаем, что отдал богу душу некто Глен Муштард. Особо ПУЛА интересуется то, что человек, которого этот Муштард вроде бы должен был охранять, Майкл З. Волкманн, исчез, тем самым предоставив местным правоохранительным органам менее суток, по истечении которых федеральные власти сочтут исчезновение похищением, влезут в это дело и все просрут. Быть может, Спортелло, тебе удастся все это предотвратить, если ты сообщишь фамилии остальных членов своего культа? Это нам в Убойном очень поможет, да и тебе полегче будет, когда время суда подойдет?

– Культа.

⁵ Университет Южной Калифорнии.

– «Л.-А. Времена» не раз называли меня «детективом эпохи возрождения», – скромно проговорил Лягаш, – а это означает, что я – разный, но вот дураком меня считать нельзя, и чисто из *ноблесс-оближ*⁶ я это допущение готов распространить и на тебя. Не бывает таких дураков, кто *вообще* пытался бы это проверить в одиночку. Что, в свою очередь, подразумевает некий мэнсоноидный заговор, ты б не согласился?

И часа подобных терок не прошло, как, к удивлению Дока, у порога возник Сончо – и сразу же кинулся на Лягаша:

– Лейтенант, вы же отдаете себе отчет, что тут дела не пришьешь, поэтому предъявляйте-ка обвинение, да поскорей. Иначе...

– Сончо, – заорал Док, – варежку прикрой, а, не забывай, кто перед тобой, какой он бывает чувствительный... Лягаш, не обращай на него внимания, это он судебных драм насмотрелся...

– Вообще-то, – детектив Бьёрнсен, глядя недвижно и зловеще, что у него обычно выражало добродушие, – мы, вероятно, *могли бы* довести аж до суда, но с нашим везением девяносто девять процентов присяжных окажется хипьем, а еще всплывет какой-нибудь сочувствующий волосатым, а не ПОП⁷, и все равно просрет дело.

– Ну еще бы – если только вы место слушания не смените, – вслух поразмыслил Сончо, – типа можно в Оранжевом округе...

– Сонч, еще раз – на кого из нас ты работаешь?

– Я б не стал называть это работой, Док, за работу клиенты мне платят.

– Мы держим его под стражей ради его же пользы, – пояснил Лягаш. – Он тесно связан с заметным убийством и возможным похищением, и кто может утверждать, что сам не окажется следующим? Может статься, тут действуют преступники, которым *особенно нравится* убивать хиппи, хотя, если у них в списке Спортелло, у меня может случиться конфликт интересов.

– Охх, Лягаш, ты ж не всерьез... Вдруг меня замочат? подумай, сколько времени и сил у тебя уйдет на поиски другого козла отпущения.

– Какие тут силы нужны? Вышел за дверь, сел в блондинку, квартал в любую сторону проехал – опомниться не успеешь, а воткнешься в огромное, блин, *стадо* вас, уродов волосатых, винти не хочу.

– Неловко мне как-то, – сказал Сончо. – Может, вы не в исповедальне поговорите?

Начались местные новости, и все вышли в инструктажную посмотреть. На экране возник жилмассив «Вид на канал» – унылая панорама торгового мини-центра, занятого таким количеством полицейских блондинок, что хватило б на бронетанковую дивизию, у всех зажжены мигалки, на бамперах сидят легавые, пьют кофе, а крупным планом – Лягаш Бьёрнсен, причесон полит «Аква-Нетом», чтоб не растрепали санта-аны, объясняет:

– ...очевидно, группа гражданских лиц, устроивших какие-то учения боевых действий против партизан. Возможно, они предположили, что данный строительный участок, пока еще не открытый к заселению, достаточно безлюден, чтобы служить реалистическим полигоном для развертывания, надо полагать, всего лишь безобидного патриотического сценария.

Хорошенькая американская японка с микрофоном повернулась к камере лицом и продолжала:

– Тем не менее по трагической случайности в этих военных играх почему-то использовались боевые патроны, и сегодня вечером один бывший заключенный лежит убитый, а известный строительный магнат Майкл Волкманн таинственно исчез. Полиция задержала некоторое количество подозреваемых для дознания.

Рекламная пауза.

⁶ Положение обязывает (*искаж. фр.*).

⁷ Помощник окружного прокурора.

– Минуточку, – произнес детектив Бьёрнсен как бы самому себе. – У меня только что возникла мысль. Спортелло, полагаю, я тебя все-таки пну.

Док поехал, но тут вспомнил, что на полицейском жаргоне это значит «освобождение». И Лягаш рассуждает так: если он выпустит Дока, это может привлечь внимание настоящих злоумышленников. Больше того, у него тогда будет повод приставить к Доку хвоста – вдруг Док ему всего не рассказал.

– Поехали, Спортелло, прокатимся.

– Я тут еще немного телик посмотрю, – сказал Сончо. – Док, не забудь, ты мне теперь должен типа за пятнадцать минут.

– Спасибо, Сонч. Запиши мне на счет.

Лягаш взял со стоянки полуочевидный «плимут» с маленькими значками исключения на номере, и они понеслись сквозь остатки часа пик к Холливудской трассе, а далее через перевал Кауэнга в Долину.

– Это что? – через некоторое время поинтересовался Док.

– Из любезности я везу тебя на арестплощадку за твоей машиной. Мы всю ее обшарили лучшими инструментами, что ни на есть у судебной экспертизы, и, если не считать пыли каннабиса, которой хватило бы удалбываться год средней семье из четырех человек, ты чист. Ни крови, ни полезных для нас вмятин. Поздравляю.

Док придерживался общей политики почти все спускать на ништяцких тормозах, но если речь заходила о его тачке, срабатывали калифорнийские рефлексy.

– Сюда поздравь, Лягаш.

– Я тебя огорчил.

– Никто мою машину не зовет *убийцей*, чувак?

– Извини, она у тебя как бы... кто, пацифист-вегетарианец? Если ей о стекло жучки насмерть быются, ей... ей стыдно? Слушай, мы нашли ее чуть ли не на самом трупе Муштарда, на холостом ходу – и постарались не приходить ни к каким поспешным выводам. Может, она хотела жертве искусственное дыхание изо рта в рот сделать.

– Я думал, его застрелили.

– Как угодно, радуйся, что твоя машина ни при чем, бензидин не врет.

– Ага, ну да... все равно меня потряхивает, а тебя нет?

– От того, в котором есть «р», – нет... – Лягаш велся на это всякий раз. – ...ой, тут через несколько съездов Каноба-Парк будет, дай-ка я тебе покажу кое-что быстренько.

Съехав с трассы, Лягаш, не сигналив, развернулся кругом, снова заехал под трассу и двинулся в горы, а в конце концов остановился в уединенной точке, которая огромными буквами гласила «Застрелен При Попытке К Бегству». Док было занервничал, но у Лягаша на уме, похоже, было другое – вербовка.

– Никто не может предсказывать на год-два вперед, но вот сейчас у Никсона есть комбинация к сейфу, и он швыряет горстями зеленые всему, что хоть отдаленно напоминает местные правоохранительные органы. Федеральное финансирование зашкаливает за все цифры, что себе только можно представить, а для большинства хипья это немногим дальше количества унций в килограмме.

– Тридцать пять... дробь... сколько-то, это все знают – Постой. Лягаш, ты – ты в смысле «Мод-взвода», что ли? стучать на всех знакомых – мы с тобой сколько уже друг друга знаем, и ты до сих пор меня не раскусил?

– Ты удивишься, сколько народу из вашего хипья считает полезными наши выплаты Особым Сотрудникам. Особенно ближе к концу месяца.

Док рассмотрел Лягаша пристальней. С-понтон-джайвовые бакенбарды, дурацкие усики, стрижка от цирюльного колледжа где-нибудь на пустынном бульваре вдали от любых текущих определений хиповости. Будто в массовке какой-нибудь серии «Адама-12» – сериала, в кото-

ром Лягаш на самом деле раз-другой левачил. Теоретически Док знал, что, если сразу и не поймешь, правда, зачем, ему взбредет в голову увидеть какого-то другого Лягаша, за кадром, не на службе – даже с детьми и женатого, поди пойми, – придется смотреть сквозь, мимо всех этих унылых подробностей.

– Лягаш, а ты женат?

– Прости, ты не мой тип. – Он поднял левую руку и показал кольцо. – Знаешь, что это, или на Планете Хиппи такие не водятся?

– И-и типа дети есть?

– Надеюсь, это не завуалированная хипповская угроза.

– Дело только... ни фига себе, Лягаш! вот *странность*-то, у нас у обоих тут есть *таинственная сила* испортить друг другу настроение на весь день, а мы ничегошеньки друг о друге не знаем?

– Очень глубоко ты это заметил, Спортелло. Наверняка бесцельная торчковая бредятина, а вот поди ж ты, да – ты только что определил самую суть охраны правопорядка! Отличный результат! Я всегда подозревал за тобой большие возможности. Ну так! как насчет?

– Ничего личного, но из твоего бумажника я денег захочу в последнюю очередь.

– Эй! проснись, тут только снаружи выглядит так, что Весельчак и Простачок вместе с остальными скачут по Волшебному королевству, а на самом-то деле у нас то, что мы зовем... «Реальность»?

Что ж, бороды Док не носил, зато у него были сандалии с рифленой подошвой – из-за южной границы, сошли бы за библейские, – и он задумался, сколько других невинных братьев и сестер сатанинский детектив Бьёрнсен заводил до него на высокое место, раз уж вид отсюда открывается что надо, омахивал рукой весь оглоушенный светом город и предлагал им в нем все, что можно купить за деньги.

– Только не рассказывай, что они тебе ни к чему. Я в курсе, что Братцы-Уродцы говорили: дескать, дурь тебя лучше поддержит в безденежье, чем наоборот, – и мы, разумеется, могли бы предложить компенсацию в более, как бы это выразиться,дыхабельной форме.

– Ты в смысле...

– Спортелло. Попробуй выволочь свое сознание из этой стародавней эпохи крутых сыскарей – нас уже захлестнула волна Стекланных Домов будущего. Все хранилища в центре сто лет как забиты, теперь где-то раз в месяц Отдел улик вынужден арендовать новые складские мощности в глубинке подальше от города, а там кирпичи дури штабелями до потолка сложены и еще на стоянку выносят, Золото Акапулько! Красная панамская! Мичоаканский лед! килограммы праведной травы без счета, только цифру назови – и всего-то за банальную информацию, которая у нас и без того есть. А что не выкуришь – хоть это и кажется невероятным, – всегда можно продать.

– Хорошо, что не в НАСС⁸ вербуешь, Лягаш, иначе в говне оказался бы по шею.

Назавтра в конторе Док слушал стерео, сунув голову между колонок, и чуть не пропустил застенчивый звонок телефона «Принцесса», который он нашел на блошином рынке в Калвер-Сити. Звонил Тарик Халил.

– Это не я!

– Все в порядке.

– Но я не...

– Никто и не говорил, что это вы, они, вообще-то, некоторое время считали, что это я. Чувак, мне очень жалко, что с Гленом так вышло.

Тарик затих так надолго, что Доку показалось – трубку повесил.

⁸ Национальная ассоциация студенческого спорта.

– Мне тоже будет жалко, – наконец произнес он, – когда выпадет минутка об этом подумать. А сейчас я переправляю свою жопу отсюда подальше. Если метили в Глена, в меня метят – я бы сказал, вчерняк, да только вы так легко обижаетесь.

– Я могу с вами где-то...

– Лучше нам не контактировать. Это вам не кучка дурачья вроде ПУЛА, это вам засранцы покруче. И если не против, могу совет бесплатно дать...

– Ага, двигайтесь бережно, как Сидни Омарр всегда в газете грит. Ну и вы тоже.

– *Hasta luego*⁹, белый.

Док свернул себе кропаль и собрался уже было раскуриться, когда телефон зазвонил опять. На сей раз – Лягаш.

– В общем, отправили мы живчика из Полицейской академии по последнему известному адресу Шасты Фей Хепчест, рядовая проверка, и угадай что.

Ай, блядь, нет. Только не это.

– Ох, *ты* меня извини, я тебя расстроил? Расслабься, в данный момент нам известно только, что она тоже исчезла, как и дружок ее Мики. Не странно ли? Как считаешь, тут связь может быть? Типа вместе сбежали?

– Лягаш, мы хоть чуточку профессионально тут можем? Чтоб я не начал обзывать, ну, не знаю, подлым говнюком, чем-нибудь типа?

– Ты прав – на самом деле я злюсь на федералов, а на тебе вымещаю.

– Что ли извиняешься, Лягаш?

– Я когда это делал?

– Эм-м...

– Но если тебе придет в голову, куда они – ох, прости, *она* – могла отвалить, ты же поделишься, верно?

На пляже бытовало древнее суеверие – вроде сёрферского верования, дескать, сожжешь доску – быть невъезженным волнам, – и гласило оно вот что: берешь бумажку «Зиг-Заг» и пишешь на ней самое заветное желание, потом сворачиваешь из нее косяк наилучшей дури, которую можешь найти, все выдуваешь – и желание твое исполнится. Говорили, что внимание и сосредоточенность здесь тоже важны, но большинство знакомых торчков Дока на эту часть забивали.

Желание было простым – чтобы с Шастой Фей ничего не случилось. Дурь была неким гавайским продуктом, который Док приберегал, хотя в данный момент не смог бы вспомнить для чего. Он взорвал. Примерно когда уже собрался переместить пяточку в защепку, телефон зазвонил снова, и у Дока случился такой краткий провал, когда забываешь, как трубка снимается.

– Аллю? – немного погода произнес женский голос.

– О. Я что, забыл это сказать первым? Извините. Это не... нет, конечно, с чего бы.

– Мне ваш номер дал Энсенадский Дылда, в той мозговой лавочке, в Гордита-Пляже? Я про мужа своего звоню. Он раньше был вашим близким другом и Шасты Фей Хепчест?

Нормально.

– А вы...

– Надя Харлинджен. Хотела уточнить, как у вас сейчас с загрузкой.

– У меня с... а-а. – Профессиональный термин. – Конечно, а вы где?

Адрес оказался во внешнем Торрансе между Уолтерией и летным полем – дом с полужэтажами, у подъездной дорожки перечное дерево, на задворках эвкалипт и панорама тысяч маленьких японских седанов, что выплеснулись с главной стоянки на острове Терминал и маниакально выстроились вширь и вдаль по асфальту перед отправкой в автоагентства за

⁹ До скорого (*исп.*).

пустынями Юго-Запада. По всей улице разговаривали телевизоры и проигрыватели. Деревья в этом районе просеивали свет до зелени. Над головой урчали аэропланы. На кухне в пластмассовом горшке висел карликовый ползучий фикус, на плите варился овощной бульон, в патио, засунув клювики в цветки бугенвиллеи и жимолости, в воздухе вибрировали колибри.

У Дока имелась хроническая проблема – одну калифорнийскую блондинку он не мог отличить от другой, – и тут он обнаружил на все сто процентов классический экземпляр: волосы, загар, спортивная грация – всё, кроме знаменитой на весь мир неискренней улыбки, коя, благодаря комплекту покупных резцов – говоря технически, «фальшивых», – побуждала тех, кому их хозяйка все-таки улыбалась, задуматься, что за реальная и скучная история их там разместила.

Заметив пристальный взгляд Дока:

– Героин, – симулировала объяснение она. – Высасывает из организма кальций, как вампир, – сколько б ни посидел на нем, и зубы пойдут к черту. От дитяти цветов до заширенной шкварки – чпок, как по волшебству. И это самое приятное. А если подольше... ну, в общем.

Она встала и заходила. Не плачет – ходит, за это Док был благодарен: информация продолжает поступать, да еще и ритмично. По словам Нади, несколько месяцев назад ее муж Шланг Харлинджен передознулся героином. Насколько позволила торчковая память, Док припомнил это имя – даже в газетах про него что-то было. Шланг играл с «Досками» – сёрф-группой, собравшейся еще в начале шестидесятых, теперь они считались пионерами электрической сёрф-музыки, а в последнее время занялись поджанром, который им нравилось называть «сёрфаделикой»: диссонирующий строй гитар, специфические модальности вроде пост-Дик-Дейлова «хиджаз-кара», невнятные вопли о спорте и радикальные звуковые эффекты, которыми всегда была знаменита сёрф-музыка: как вокальные шумы, так и самозаводка гитар и духовых. «Перекасти-Камень» отмечал: «После нового альбома „Досок“ Джими Хендриксу придется снова *захотеть* слушать сёрф».

Вклад лично Шланга в то, что продюсеры «Досок» скромно прозвали «Макахой звука», сводился к мычанию через мундштук тенора, иногда альт-саксофона, в тон играемой мелодии, словно инструмент его был неким гигантским казу, что еще более подчеркивалось звуко-снимателями и усилителями «Баркус-Берри». По словам приметливых рок-критиков, на него повлияли Эрл Бостик, Стэн Гец и легендарный новоорлеанский студийный тенор-саксофонист Ли Эллен.

– Среди саксофонистов сёрфа, – пожалала плечами Надя, – Шланг считался фигурой внушительной, ибо время от времени импровизировал там, где второй и даже третий рефрены обычно повторяются нота в ноту.

Док стесненно кивнул.

– Не поймите меня неправильно, я люблю сёрф-музыку, сам с ее родины, у меня до сих пор старые коцанные сорокапятки дома лежат – «Песнопевцы», «Мусорщики», «Палтусы», – но вы правы, из худшего блюза кое-что сочиняли сёрф-саксофонисты, им и предьявят.

– Я не работу его любила. – Она произнесла это до того обыденно, что Док рискнул по-быстрому высмотреть, не блестит ли в глазу, но дамочка не собиралась на всю катушку отворачивать краны вдовства – пока, во всяком случае. Меж тем она излагала некую историю: – Нам со Шлангом полагалось бы познакомиться прелестно, в те времена прелесть еще была во всем и вся на продажу, а на самом деле мы встретились убого, у «Оскара» в Сан-Исидро...

– Ох, ё ж. – Разок-другой Док там бывал – и, по милости божьей, благополучно оттуда выбывал: пресловутый «Оскар», сразу через границу от Тихуаны, где туалеты круглосуточно кишели торчками, старыми и новыми, кои только что срастили себе в Мексике срош, сунули продукт в резиновый шарик и проглотили, а потом вернулись обратно в Штаты и теперь выблевывали.

– Я только забежала в одну кабинку, сперва не проверив, два пальца в рот уже сунула – а там Шланг сидит, со своим пищеварением гринго, собирается массивно просрать. И мечем мы примерно в один миг, везде говно и блевотина, я лицом ему в колени, а усугубляет положение то, что у него при этом стояк... Ну, в общем... Еще не доехав до Сан-Диего, мы вместе уже ширяемся у кого-то в фургоне, а и двух недель не проходит, следуя интересной теории, что двоим срашивать дешевле, чем поодиночке, – мы женимся, оглянуться не успеваем – у нас уже Аметист, и уже совсем скоро вот как она у нас выглядит.

Она протянула Доку пару детских «полароидов». Видом своим девочка пугала – распухшая, краснолицая, взгляд пустой. Поди угадай, в каком она сейчас состоянии, у Дока аж вся кожа заболела от тревоги.

– Все знакомые любезно отмечали, как героин проявляется у меня через молоко, а сухая смесь кому по карману? Мои родители считали, что мы завязли в гнетущем рабстве, мы же со Шлангом – мы только свободу видели, от этого нескончаемого мещанского колеса выбора, где и выбора-то нет на самом деле, – весь мир напряга свелся к одному простому делу, срошу. «Вот мы ширяемся, и чем это вообще отличается от обеденных коктейлей старичья?» – думали мы... Хотя когда это все до такой драмы доходило? Героин в Калифорнии? да бог ты мой. Его ж тут как грязи, хоть на каждый пакет коврик стели с надписью «Добро пожаловать». Мы там были такие счастливые и глупые, ни дать ни взять пьянчуги, хихикали себе туда-сюда в окнах спален, бродили по районам прямолинейного мира, заходили в случайные дома, просились в туалет, запирались и двигались. Теперь-то, конечно, так уже не получится, Чарли Мэнсон с бандой всё разьебали для всех. Закончилась некая невинность – та штука в прямолинейной публике, какая не давала совсем уж их ненавидеть, иногда по-настоящему хотелось им помочь. Такого, наверно, больше нет. Еще одна традиция Западного побережья нынче утекла в канализацию вместе с трехпроцентным продуктом.

– Так и... то, что с вашим мужем случилось...

– Это не калифорнийский хмурый, точно. Шланг бы так не облажался – свою обычную дозу да без проверки. Кто-то наверняка ему баш подменил – знал, что это его прикончит.

– Кто сбытчик?

– Ле-Драно, в Венеции. Вообще-то, Леонард, но все его кличут анаграммой, потому как едкая он личность, ну и воздействует на финансы и чувства близких так же. Шланг много лет был с ним знаком. Тот налево и направо клялся, что героин местный, ничего необычного, но толкачу что за печаль? Передозы полезны для бизнеса, на пороге вдруг целые орды торчков, убежденных, что если кто-то кони двинул, значит *в натуре говно хорошее*, а им просто нужно поосторожней, слишком не зашириваться.

Док почувал присутствие младенца – говоря технически, карапуза: она тихонько проснулась и стояла, держась за косяк, рассматривала их с широкой заискивающей ухмылкой, в которой уже различались какие-то зубки.

– Эй, – сказал Док, – ты и есть эта Аметист, да?

– Ну, – ответила Аметист, словно бы добавляя «а тебе-то что?».

Ясноглазая, рокенрольная, она мало походила на торчкового младенца с «полароидов». Какая бы гнетущая судьба ни собиралась на нее прыгнуть, у судьбы этой верняк был дефицит внимания – она отвернулась и кинулась на кого-то другого.

– Приятно познакомиться, – сказал Док. – Правда приятно.

– Правда приятно, – повторила она. – Мам? Сок хочу.

– Ты же знаешь, где он стоит, Сочная Девочка. – (Аметист энергично тряхнула головой и направилась к холодильнику.) – Спрошу кое-что, Док?

– Валяйте, если только не про столицу Южной Дакоты.

– Эта общая подруга, что у вас со Шлангом. Была. Она типа ваша бывшая какая-то, или вы с ней просто встречались, или?..

С кем Доку обо всем этом поговорить, кто бы не был обдолбан, ревнив или легав? Аметист в холодильнике ждала чашка сока, и девочка теперь влезла к нему на диван, совсем изговившись, чтобы взрослый ей что-нибудь рассказал. Надя начислила еще кофе. В комнате вдруг разлилось чересчур много доброты. В своем деле Док научился мало чему, но среди прочего немногого – что доброта без ценника подворачивается очень нечасто, а если и попадает, то слишком уж ценна, не примешь, слишком легко, во всяком случае – Доку, – ею злоупотребить, тут никуда не денешься. Посему он ограничился лишь:

– Ну, вроде как бывшая, но сейчас еще и клиентка. Я ей пообещал кое-что сделать, а ждал слишком долго, поэтому у человека, с которым она оказалась, у мерзавца-застройщика и прочее, сейчас могут быть очень крупные неприятности, и только займись я делом...

– Вы уже съехали с трассы на этом конкретном повороте, – посоветовала Надя, – и можете кататься по бульварам сожалений какое-то время, но потом все равно придется вернуться на магистраль.

– Да вот штука в том, что Шаста сейчас тоже исчезла. А если неприятности у нее...

Сообразив, что такие развлечения не по ней, Аметист слезла с дивана, бросила на Дока укоризненный взгляд из-за чашки и ушла в соседнюю комнату смотреть ящик. Вскоре до них донесся драматичный дискант Могучего Мыша.

– Если вы этим другим делом занимаетесь, – сказала Надя, – и вообще заняты или как-то, я пойму. Но я вот почему хотела с вами поговорить, – и Док все понял за полсекунды до того, как она произнесла, – мне кажется, Шланг совсем не умер.

Док кивнул – скорее себе, чем Наде. Если верить Сортилеж, это, говоря астрологически, пагубные времена для торчков – особенно старшекласников, которые по большинству родились с девяностоградусным аспектом, под самым несчастливым углом из возможных, между Нептуном, планетой торчков, и Ураном, планетой неприятных сюрпризов. Доку такое было знакомо: оставшиеся отказывались верить, что те, кого они любили или хотя бы с кем сидели на одних уроках, в самом деле мертвы. Сочиняли разнообразные запасные истории, чтоб только не оказалось правдой. Чья-то бывшая понаехала в город, и они вместе сбежали. В неотложке перепутали с кем-то – как в роддомах младенцев подменяют, – и они до сих пор где-то в реанимации под чужим именем. Особый сорт бессвязного отрицания, и Док прикидывал, что он такого уже повидал, на глаз определить может. Что бы Надя ему тут ни показывала, это не оно.

– Вы тело опознали? – Это спросить можно.

– Нет. Вот тоже странность. Позвонили, сказали, что уже опознал кто-то из группы.

– Думаю, это полагается ближайшему родственнику. Кто звонил?

У нее с тех пор сохранился дневник, и она не забыла записать.

– Лейтенант Дюбонне.

– А, ну да – Пэт Дюбонне, у нас с ним разок-другой были общие дела.

– Похоже, он вас заметал.

– Спасибо, что не мотал. – (Она смотрела на него эдак вот.) – Еще бы, у меня была фаза хиппи. Все, что я натворил, сошло мне с рук, а к тому, что вешали, рук не прикладывал, потому что у меня один словесный портрет: белый мужчина, длинные волосы, борода, разноцветная одежда, босиком, так далее.

– Совсем как у Шланга, что мне по телефону зачитали. Таких тысячи.

– Я съезжу поговорю с Пэтом. Может, знает что-нибудь.

– И вот еще что было. Смотрите. – Она вытащила выписку с ее счета в местном отделении «Банка Америки», сделанную вскоре после предполагаемой передозы Шланга, и показала на графу поступлений.

– Интересная сумма.

– Я позвонила, пришла, поговорила с вице-президентами, и все в один голос сказали, что все правильно. «Может, вы квитанцию потеряли, не так посчитали что-то». Обычно я дареному

коню не смотрю, понимаете, но это просто жуть какая-то. Они все одними и теми же словами излагали, снова и снова, то есть – вот и говори после этого о защитном отрицании?

– Думаете, как-то со Шлангом связано?

– Возникло вскоре после его... его исчезновения. Я подумала, может, так себе кто-то представляет откуп? Местное 47, какая-то страховка, о которой я не знала. То есть вряд ли можно рассчитывать, что это делается анонимно, так? А тут немой набор цифр в месячной выписке со счета и какое-то дебильное объяснение, которым банк от меня отмахнулся.

Док записал дату депозита на спичечной картонке и сказал:

– А у вас лишнего снимка Шланга не найдется?

Еще как нашлось. Она выволокла магазинную коробку из-под бухла, набитую «полароидами»: Шланг спит, Шланг с младенцем, Шланг дербанит, Шланг перетягивается, Шланг ширяется, Шланг под тенистым деревом делает вид, будто весь сжался перед 454-м «большим блоком» от «шева», Шланг с Надей на пляже, сидят в пиццерии, играют последним ломтем в перетягивание каната, идут по Холливудскому бульвару, а перед ними загорается светофор.

– Угощайтесь. Надо было давно выкинуть все, наверно. Отстраниться, да? двинуться дальше, черт, я ж сама всегда эти нотации всем читаю. Но их Амми любит, ей нравится, когда мы вместе смотрим. Я ей про каждый снимок что-нибудь рассказываю, да и ей по-любому хоть что-то понадобится, когда подрастет, чтоб напоминало. Не думаете?

– Я? – Док вспомнил, что у «полароидов» не бывает негативов, а жизнь оттисков ограничена. Эти снимки, заметил он, уже начали менять цвета и блекнуть. – Еще бы, иногда мне хочется каждую минуту запечатлеть. Арендовать типа целый склад?

Она посмотрела на него, как соцработник какой-нибудь:

– Ну, так... может, чуть слишком... А вы типа с терапевтом как-то?

– Она скорее зампрокурора, наверно.

– Нет, я в смысле... – Надя взяла горсть снимков и сделала вид, что раскладывает в некоем осмысленном порядке – как ремик своей недолгой жизни со Шлангом. – Даже если не знаете, что у вас есть, – медленно произнесла она немного погодя, – иногда действуйте так, будто знаете. Она это оценит, и вам же самому станет лучше.

Док кивнул и взял первую попавшуюся фотографию: Шланг держит тенор, может, где-то на концерте, свет паршивенький, из-за краев снимка торчат размытые локти, короткие рукава рубашек, гитарные грифы.

– Ничего, если эту?

Не глянув, Надя ответила:

– Валяйте.

В комнату вбежала Аметист, вся взбудораженная:

– А вот и я, – пропела она, – спасаю вам день!

Несколько позднее Дока прибило к Древесному кварталу, к дому тетки Рит, где он обнаружил своего кузена Скотта Хруста – в гараже, вместе с бандой. Скотт играл в местной группе, известной под названием «Корвэры», пока половина состава не решила влиться в миграцию на север – в те годы все переезжали в Хамболт, Винляндию и Дель-Норте. Скотт, для которого секвойи были биологически чуждым видом, и барабанщик Эльфмонт решили остаться на пляже – они ходили и клеили объявления по всем окрестным школам, пока не собрали себе вот эту новую команду, которую называли «Пиво». Банда играла в основном чужой материал по барам, и теперь ее членам что ни месяц на самом деле почти удавалось платить себе за жилье.

Нынче они репетировали – вернее, сегодня как раз пытались точно выучить ноты к музыкальной теме из телевизионного вестерна «Широкий дол», который недавно начали гонять повторно. Все гаражные стены были в полках, заставленных банками с пурпурными беконными корками – верной наживкой для развращенного прудового окуня, за которым тетка Рит

периодически ездила в Мексику и с полным багажником его же возвращалась. Наверняка Док бы утверждать не мог, но ему всегда казалось, что в сумраке эта дрянь светится.

Солист «Пива» Хьюи пел, а ритм-гитара и бас заполняли паузы:

Ши... Ро...
Кий дол!
[Гитарный запил]
Ши
РОКИЙ Дол! [Тот же гитарный запил]
До
Чего, широк, на о, гонек зайдешь —
Всю ночь, верхом —
И-что-ты в нем
найдешь?
Широкий Дол! Да! Еще ширше — ши
Рокий Дол! На *шару* ширка — ши
Рокий Дол! Вширь? шар кати хоть — ши
Ро Кий-Дол!

— Это у меня типа корни, — пояснил Скотт, — мамаша моя терпеть не может Сан-Хоакин, а я вот не знаю, чувак, я как туда ни приеду — играем у «киванисов» в Чаучилле или еще где, и у меня такое странное чувство, будто раньше я там жил...

— Так ты там и жил, — заметил Док.

— Нет, типа в другой жизни, чувак?

Док предусмотрительно приволок целый карман уже свернутых панамских, и вскоре все уже бродили вокруг, пили супермаркетовую газировку из банок и ели домашние печеньки с арахисовым маслом.

— Что-нибудь рокенрольная сорока на хвосте приносила, — поинтересовался Док, — про сёрфового саксофониста по имени Шланг Харлинджен, он еще в «Досках» раньше лабал?

— Передознулся, что ли, который? — уточнил басист Левшак.

— Якобы передознулся, — поправил Скотт, — но ходил странный слух, что он вроде как выжил? его привезли в неотложку где-то в Беверли-Хиллз, но все тишком, кое-кто говорил, ему забашляли, чтоб и дальше делал вид, будто умер, а он сейчас где-то ходит среди нас замаскированный весь, типа волосы другие и все такое...

— Зачем так напрягаться? — спросил Док.

— Ну, — подхватил Левшак, — он же не певец смазливый, которого всем цыпам неважно завалить, не гитараст невъебенный, от которого весь музон изменится навсегда, он же просто сёрфовый сквозняк, такого заменить легко. — Со Шлангом все ясно. Касаемо же «Досок», то они в последнее время капусту гребли лопатами, жили все вместе в доме в каньоне Топанга со своей обычной свитой — фанатками, продюсерами, свойственниками, странниками, с таким трудом пришедшими из такого далека, что их взяли в дворню. Смутно намекали, что возродившийся Шланг где-то среди них, хотя таких, кто мог бы им быть, никто не признавал. Может, кому-то и казалось, но все плыло, словно в тумане дури.

Погодя, когда Док уже садился в машину, из окошка бунгало высунула голову тетка Рит — и завопила:

— Вот надо было тебе ходить к Мики Волкманну беседовать. Отлично ты подгадал. Я тебе что говорила, умник хренов? Права я была?

— Я забыл, — ответил Док.

3

Легавый, звонивший Наде Харлинджен с известием о передозе Шланга, был теперь главной кахуной в участке Гордита-Пляжа. У себя за ухом Док опознал гнутый «Холодок», подорвал его и рассмотрел аспекты ситуации. Пэт с Лягашом возникли примерно в одно время, карьеры свои оба начали в Южной бухте, практически у Дока на пляже, еще в эпоху Войн Сёрферов и Стелющихся. Пэт остался там, а Лягаш, быстро заработав себе репутацию палочного умиротворителя до того крепкую, что публика в центре сочла его очевидным кандидатом на призыв, двинулся дальше. Док на своем веку повидал не одного и не двух таких хватов, они приходили и уходили, и Док замечал, что по каждому оставался какой-то исторический осадок. Вдобавок он знал, что Пэт уже не первый год Лягаша более-менее, блядь, ненавидит.

«Пора в гости, – решил он, – в Столицу Хиппифобии». Он проехал мимо участка Гордита-Пляжа дважды и только после его признал. Здесь все радикально преобразилось – благодаря федеральным средствам на борьбу с наркотиками: от обычного стола для регистрации приводов возле пирса, где лишь плитка на две спирали да банка растворимого кофе, до дворца с полицейским раем внутри – кофейные автоматы размером с паровоз, собственная мини-тюрьма, гараж, где полно самоходного оружия, иначе оказавшегося бы во Вьетнаме, и кухня, на которой круглосуточно вкалывает целая бригада пекарей.

Проложив себе путь в толпе стажеров, что чирикали по всему околотку, прыскавая водой на карликовые пальмы, традесканции и диффенбахии, Док засек Пэта Дюбонне в кабинете и, сунув руку в наплечную сумку с бахромой, извлек оттуда обернутый фольгой предмет где-то в фут длиной.

– Вот, Пэт, только для тебя. – Он глазом не успел моргнуть, как детектив схватил, развернул и каким-то образом поглотил как минимум половину содержавшейся внутри длинной сосиски с булочкой, к тому же укомплектованной Всем Сверху.

– В яблочко. Удивительно, что аппетит еще есть. Тебя, кстати, кто впустил?

– Духарем прикинулся, они каждый раз ведутся – рожи у новичков аж светятся, наверно, до сих пор еще наивные.

– Не до того, чтобы задержаться тут дольше, чем надо. – Док не сводил глаз, но и остаток хот-дога неким манером исчез. – Погляди на эту дыру. Это ж Нескончаемый Облом. Прочие двинутся дальше, а угадай, кто за все свои грехи застрянет навсегда в этой Гордите – сплошь грошовые приводы, детки под пирсом сбывают мамочкины сонники, – а должен быть в Западном Л.-А. или, крайняк, на Холливудском участке.

– Это уж точно самый центр легавой вселенной, – сочувственно кивал Док, – но не всем же нам быть Лягашом Бьёрнсенем, правда – ей, хотел сказать, очень надо им нам быть, так? – рассчитывая, что не слишком давит, учитывая состояние Пэтова душевного здоровья, хрупкого даже в лучшие дни.

– В данный момент, – мрачно ответил Пэт, поджав нижней губой, – я б обменялся жизнью даже с ним – да, обменялся б тем, что у меня, с тем, что за дверью, у которой Кэрл, можно сказать, стоит, даже если там бздям, – по разряду Лягаша насколько такая сделка может быть невыгодна?

– Чудные дела, Пэт, скока я слышал, ему нынче туговато. Тебе-то, конечно, лучше знать.

Пэт сощурился:

– Ты сегодня что-то ужасно любопытен, Спортелло. Я б и раньше заметил, не будь так расстроен карьерными проблемами, которых ты, несомненно, понять не в силах. Лягаш опять тебе досаждаст? Набери горячую линию Отдела служебных расследования, звонок бесплатный – 800-ПЛУТКОП.

– Не то чтоб я когда жалобы писал, лейтенант, или как-то, поймите, но до чего *отчаяться* надо, чувак, хоть кол на голове теши, даже самому занюханному попрошайке с Холливудского бульвара нынче тям хватает обходить *меня* десятой дорогой, а вот Лягаш – никак.

В мозгу Пэта боролись, это было видно, два легавых рефлекса – зависть к карьере другого мусора против ненависти к хиппи. Зависть победила.

– Он же не *сумму* тебе припаял, нет?

– Перечислил кое-какие расходы, – пошел импровизировать Док – и заметил, как уши Пэта определенно изменили угол. – Личные, ведомственные. Я ему говорю: всегда считал, что у тебя блат-то получше будет. Он в философию ударился. «Люди забывают, – вот как сказал. – Что б ты им в прошлом ни сделал, на них никогда нельзя рассчитывать, если понадобятся».

Пэт покачал головой:

– А еще так рисковал... Урок нам всем. На *такой* работе по-настоящему неблагодарные мудаки попадают, а? – При этом он напустил на себя вид Арта Флеминга – вроде как Доку надлежит теперь угадать, на какой такой работе.

В свою очередь, Док удовольствовался пустым взглядом хипана, который мог означать что угодно, и если держать его достаточно длительно, взгляд этот начинал нервировать любого четырехсторонника в мундире; наконец Пэт отвел глаза и пробормотал:

– А. Да, врубаюсь. Ништяк. Сам-собой, – добавил он по некотором размышлении, – ему все эти гонорары с повторных показов капают.

К этому моменту Док уже слабо понимал, о чем они говорят.

– Я к повторам этим стараюсь не заснуть, – наугад высказался он, – но почему-то всегда падаю, не успеет Лягаш возникнуть на экране.

– Что ж, мистер Новости-в-Десять теперь заполучил себе еще одно дело века, раз грохнули гориллу Мики Волкманна... Пусть кто-нибудь другой занимается каньоном Бенедикт и Шерон Тейт со всеми прочими, а для правильного следователя это дело может оказаться бездонным источником налички.

– Ты в смысле...

– Тут наверняка телефильм снимут, нет, как бы оно ни обернулось. Лягашу в конце могут перепасть доли и сценария, и производства, того и гляди самого себя сыграет, козел, да только ей, одиннадцатая заповедь, я этого не говорил.

– А кроме того, если он вернет Мики – станет видным героем общества.

– Ну, если. А если стоит слишком близко? За какой-то чертой это тебе весь здравый смысл переобывает – врачам же запрещено оперировать родственников, например.

– Они с Мики так накортке, а?

– Первые кореша, если верить легенде. Эй. Ты тоже думаешь, что Лягаш еврей?

– Я думал, швед.

– Может, оба сразу, – ушел Пэт в невнятную оборону. – Бывают же шведские евреи.

– «Шведскую рыбку» знаю. – По сути, просто хотел помочь.

4

Бывают дни, когда ехать в Санта-Монику – как ловить глюки, только не надо морочиться приобретением и последующим приемом конкретного наркотика, – хотя определенно бывают и такие дни, когда *любой* наркотик предпочтительней поездки в Санта-Монику.

Сегодня, после обманчиво солнечного и небогатого событиями проезда по участку компании «Хьюз» – некоего шведского стола из потенциальных зон боевых действий США, на котором образцы пересеченной местности варьировались от гор и пустынь до болот, джунглей и так далее, наличествует все, если верить местной паранойе, для точной подстройки боевых радарных систем, – мимо Уэстчестера, Марины и через Венецию, Док достиг городской черты Санта-Моники, где начались последние ментальные учения. Вдруг он очутился на некой планете, где ветер может дуть сразу в две стороны, неся с собою туман с океана и песок из пустыни одновременно, вынуждая неосторожного водителя сбросить скорость, едва попадет в эту чужую атмосферу, где свет дневной пригас, видимость сократилась до полуквартала, а краски – включая цвета светофоров – радикально сместились в иные части спектра.

Док автомобильно пробирался на ощупь в этой жути на восток по Олимпику, стараясь не дергаться от того, что выскакивало на него из сумрака, – в смысле, городских автобусов и пешеходов в измененных состояниях сознания. Лица затачивались до такого напряжения, который в этом районе увидишь разве что на скачках, края их подолгу тянулись следом – некоторые оттенков довольно радикальных – и часто счищались за раму ветрового стекла далеко не сразу. Радио в машине помогало не очень – здесь ловился только «КИСЛ», на котором крутили старую сорокапятку Слюнявого Флойда Уомэка, насчет которой в Доке всегда боролись противоречивые чувства: с одной стороны, он пытался не принимать ее на свой счет, ведь сам гонялся за должником-другим, но, опять же, если припомнить все обиды и сожаленья...

Коллектор прискакал,
Влез через
Окош-ко!
Лапу наложил на все, чего достал, —
Взял телик конвоир!
И тачку на буксир!
Прощай, попал в просак
Мой старенький вертак!
О,

Коллектор никогда
Утробу не
Насытит,
Пока не отберет всего,
Что входит в счет...
Мы все живем взаимы,
Своего у нас – лишь мы,
Чувак!
Он за тобой когда-нибудь придет!

Едва закончив общинный колледж «Ондас Нудосас», Док – тогда еще известный как Лэрри – Спортелло обнаружил, что тормозит с выплатами за машину. К нему явилось агентство «Цап! Обыски и Компенсации», решило нанять его стажером искать сбежавших должников –

пусть так и отрабатывает свой долг. Когда перестал стесняться вопроса почему, он уже увяз слишком глубоко.

– Это весело, – заметил он как-то, отработав с неделю, когда они с Фрицем Сухобрусом засели в машине где-то в Ресиде, как выяснилось – в ночном.

Фриц, двадцать лет проведя на этой работе, повидал все – и кивнул:

– Ну, погоди, когда начнутся Премияльные за Неудобство.

Такова была формулировка бухгалтера Милтона. Далее Фриц как можно нагляднее описал некоторые виды мотиваций, кои клиенты – как правило, ссужавшие под большие проценты – часто просили агентство обеспечивать.

– Я должен кому-то по жопе давать? Это вообще вероятно?

– Тебе выдадут разрешение на оружие.

– Я в жизни из пистолета не стрелял.

– Ну... – Сунув руку под сиденье.

– Что... это за «оружие» такое?

– Инъекционное.

– Это я понял, но чем мне его заряжать?

– Сывороткой правды. В ЦРУ такая же. Коли куда угодно, до чего дотянешься, – и глазом не моргнешь, а они уже залопочут, как на бибохе, не заткнешь, расскажут тебе даже о таких активах, про которые и сами ни ухом ни рылом.

Лэрри решил держать агрегат в зловещем на вид бритвенном наборе из красной искусственной крокодиловой кожи, который отыскал на дворовой распродаже в Студио-Сити. Совсем немного погодя он стал замечать, сколько правонарушителей, которых навещали они с Фрицем, не спускают с коробочки глаз. И понял: если повезет, ее даже расстегивать не понадобится. Рабочим инструментом она для него толком так и не стала, но служила полезным реквизитом, отчего со временем его и прозвали «Док».

Сегодня Док застал Фрица под капотом «доджа-су-пер-бэ» – он там чем-то грохотал, готовясь выезжать на изъятие.

– Эй, Док, слышь – говенно выглядишь.

– Хотел бы тем же тебе ответить, ясноглазка. Карбюраторы подравниваешь?

– Здоровые мысли и не курить того, что растет в зоне боевых действий, – вот мой секрет, да и тебе помог бы, будь у тебя хоть чутка самообладания.

– Ага, мне сегодня сильно повезло, оттого что у тебя мозги закомутированы, потому что мне очень быстро нужно кое-кого найти – мою бывшую, Шасту Фей.

– По-моему, ты имеешь в виду подружку Мики Волкманна. Алло, вас беспокоят из кабинета доктора Факта – что-то давненько у нас не проверялись?

– Фриц, Фриц, чем я тебя обидел?

– В ПУЛА и у шерифа в конторе каждый легавый их обоих сейчас ищет. Как по-твоему, кто их раньше найдет?

– Судя по делу Мэнсона, я бы сказал – любой случайный придурок с улицы.

– Тогда зайди и проверь, – поманив Дока в контору.

Бухгалтер Милтон в цветастой джавахарлалке, с несколькими нитками раковин каури на шее и в ярко-желтых стрелковых очках глянул на них с широченной ухмылкой из дымки пачулейного аромата и медленно помахал, пока они шли в заднюю комнату.

– Похоже, он счастлив.

– Дела идут, а все из-за... – Он распахнул дверь. – Скажи мне, у скольких случайных придурков есть вот такое вот.

– Фигассе, Фриц. – Словно оказался в научно-фантастической новогодней елке. Повсюду мигали красные и зеленые огоньки. Компьютерные стойки, консоли с зажженными видеоскранами, буквенно-цифровые клавиатуры, по всему полу между несметенных наносов прямо-

угольничков с жучка размером, выбитых из «Ай-би-эм»-овских перфокарт, змеились кабели, в углу стояла пара копировальных «Гестетнеров», а над всем этим вдоль всей стены деловито подергивались взад-вперед бобины пленки «Ампекс».

– АРПАНет, – объявил Фриц.

– Ой, ну и ладно – мне еще за рулем и всяко-разно, может, разве на потом одну...

– Это сеть компьютеров, Док, все связаны между собой телефонными линиями. УКЛА¹⁰, Айла-Виста, Стэнфорд. Скажем, у них там есть досье, а у тебя нет, они тебе его тут же пришлют со скоростью пятьдесят тысяч знаков в секунду.

– Погодь, «АРПА»¹¹ – это ж та контора, у которой своя вывеска на трассе, у съезда на Роузкранс?

– Есть связь с «ТРВ»¹², там ни из кого слова не вытянешь, Реймо ж не разговаривает с Вулдриджем?

– Но... говоришь, если к этой штуке подцепиться, можно узнать, где Шаста?

– Обещать не могу, пока не посмотрим. По всей стране – вообще-то, и по миру – каждый день подключаются новые компьютеры. Пока все еще экспериментально, но, блин, деньги же правительства, а этим ебилам наплевать, сколько они тратят, и у нас уже есть полезные сюрпризики.

– А оно знает, где мне срастить?

¹⁰ Университет Калифорнии в Лос-Анджелесе.

¹¹ От *англ.* Advanced Research Projects Agency – Агентство по перспективным научно-исследовательским разработкам.

¹² Корпорация «Томпсон – Реймо – Вулдридж».

5

Шаста упоминала, что на матримониальную драму Мики Волкманна можно взглянуть и из дома хи-хи, и Док подумал: интересно, должно быть, увидеть, какотреагирует суперзвезда страниц светской хроники миссис Слоун Волкманн, если при ней кто-нибудь поднимет эту тему. Если Мики нынче держат супротив его воли в некоем частном дурдоме, первейшим делом Дока будет попытаться выяснить, в каком именно. Он набрал номер, даденный ему Шастой, и женщина сама сняла трубку.

– Я знаю, миссис Волкманн, разговаривать о делах прямо сейчас неловко, но, к сожалению, время тут решает.

– Это же не кредитор беспокоит, правда, ибо в последнее время они звонят поразительно часто. Я отправляю их к нашему поверенному, у вас есть его номер? – Доку показалось – голос английской курильщицы, на низком конце регистра и неопределимо декадентский.

– Вообще-то, денег вашему супругу должна наша фирма. Поскольку говорим мы о цифре срединно-шестизначной, нам представляется, что это стоит довести до вашего сведения. – Он подождал пол-непропеваемого такта «Великого притворщика». – Миссис Волкманн?

– Возможно, у меня найдется несколько свободных минут сегодня около полудня, – ответила та. – Кого, говорите, вы представляете?

– Медицинский институт когнитивного ремоделирования и обновления, – ответил Док. – Сокращенно МИКРО, мы частная клиника, располагаемся у Хасиенда-Хайтс и специализируемся на восстановлении личностей, переживших стресс.

– Обычно я проверяю крупные расходы Майкла и должна признаться, мистер... Спортелло, так? – мне неизвестны дела, которые он мог с вами вести.

У Дока потекло из носа – верный признак, он тут что-то нарыл.

– Быть может, учитывая обсуждаемую сумму, действительно будет проще работать через вашего поверенного...

Десятая доля секунды ей потребовалась рассчитать, сколько акула сможет откусить от сёрферной доски.

– Отнюдь, мистер Спортелло. Вероятно, дело в вашем голосе... но можете считать меня официально заинтригованной.

В бывшем смежном чулане для швабр у себя в конторе Док накопил коллекцию личин. Сегодня он выбрал двубортный велюровый костюм от «Зайдлера и Зайдлера» и отыскал короткий парик, который почти что подходил костюму. Подумал, не приклеить ли усы, но потом решил, что чем проще, тем лучше, – сменил сандалии на положенные мокасины и нацепил галстук уже и тусклее текущей моды, рассчитывая, что миссис Волкманн расценит его как прискорбно нехипового. Глянув в зеркало, чуть не узнал себя. Ништяк. Хотел было взорвать бомбовоз, но позыву не поддался.

В печатне дальше по улице его приятель Джейк, привыкший к срочным заказам, тиснул ему пару-тройку визиток с надписью: «МИКРО – Перенастраиваем мозги Южной Калифорнии с 1966 года. ЛЭРРИ СПОРТЕЛЛО, правомочный партнер», – что не грешило против истины, коль скоро в виду имелись права калифорнийские водительские.

На Прибрежной трассе, где-то на полпути к резиденции Волкманнов, КРЛА из Пасадины залудила «Оркестр бешеного пса» – они лабали «Бах-бах», и Док сделал «Вибрасоник» погромче. Среди холмов прием ослаб, и он поехал медленней, но сигнал все равно потерял. Вскоре Док оказался на солнечной улице где-то в горах Санта-Моники – поставил машину у дома за высокими оштукатуренными стенами, через которые пламенеющим каскадом лились цветы какой-то экзотической ползучки. Ему показалось, кто-то смотрит на него сверху – из

проема на миссионерского вида лоджии, что опоясывала весь этаж. Кто-то из хитрого домика, несомненно, снайпер, но вот федеральный или местный – кто его знает?

Двери открыла презентабельная молодая чикана в джинсах и старой фуфайке ЮК, изучила его театральными подведенными глазами.

– Она у бассейна тусуется с полицией и всякими. Подымайтесь.

Планировка у дома была вывернутая: спальни на уровне входа, кухня наверху, а то и не одна, и разные комнаты для развлечений. Вся резиденция должна была кишеть охранниками правопорядка. Но ребята «Защиты и Службы» раскинули свой командный пункт в кабане у бассейна, где-то на задворках. Вроде как халявное обслуживание в последнюю минуту, пока не явились их федеральные сюзерены. Отдаленный плеск, рок-н-ролл по радио, перекусы между едой. Вот так похищеньице.

Словно прослушиваясь на вдовство, Слоун Волкманн пришла от бассейна в черных сандалиях на шпильках, на голове – черная повязка с прозрачной черной вуалью, и в черном же бикини незначительных размеров, сшитом из того же материала, что и вуаль. Не вполне английская роза, скорее, может, английский нарцисс: очень бледная блондинка-тростинка, на такой, наверное, синяки легко остаются, глаза подводит чересчур, как и прочие. Мини-юбки изобрели для таких молодых женщин, как она.

Пока она вела Дока через полутемный утопленный интерьер из серо-коричневых ковров, замшевой обивки и тика, тянувшийся, казалось, неопределимо далеко к Пасадине, он узнал, что у хозяйки степень Лондонской школы экономики, недавно она приступила к изучению тантрической йоги, а с Мики Волкманном впервые познакомилась в Лас-Вегасе. Она махнула на стену, где висело нечто похожее на увеличенную копию глянцевого снимка восемь на десять из вестибюля какого-нибудь ночного клуба.

– Ой господи, – сказал Док, – это же вы, правда?

Слоун отделалась тем, что полунасупилась-полуухмыльнулась – такую гримаску Док подмечал у мелких и бывших звезд индустрии развлечений, упирающих на скромность.

– Моя жуткая юность. Я из печально известных хористок Вегаса, работала там в казино. На сцене в те дни, под прожекторами, с ресницами и в гриме, мы все довольно-таки смахивали друг на дружку, но Майкл – в таких делах, считайте, знаток, как я впоследствии узнала, – сказал, что приметил меня, едва я вышла, а потом прямо-таки не сводил с меня глаз. Романтично, верно, да, разумеется, неожиданно – мы потом оба и опомниться не успели, как очутились в Церквушке Запада, а у меня на пальце – вот что, – сверкнув гигантским овальным бриллиантом где-то в двойных цифрах того, что касается каратов.

Историю она рассказывала сотни раз, но это ничего.

– Симпатичный камешек, – заметил Док.

Как актриса, дошедшая до метки, она сделала паузу под высаящимся портретом Мики Волкманна – хозяин изображался с отсутствующим взглядом, словно озирает всю Лос-Анжелесскую равнину до самых дальних ее окраин, выискивал участки под застройку. Слоун развернулась к Доку и светски улыбнулась:

– Ну вот мы и пришли.

Док отметил нечто вроде псевдокаменного резного фриза над портретом, гласившего: «Как только вгонишь первый кол, тебя никто не остановит. – Роберт Мозес».

– Великий американец, Майкл черпал в нем вдохновение, – сказала Слоун. – Это всегда было у него девизом.

– Я думал, это Ван Хелсинг сказал.

Она обнаружила точку акkurat внутри льстивого слияния света и в ней остановилась, похожая на какую-нибудь контрактную звезду эпохи великих киностудий, – того и гляди разразится прочувствованной речью перед актером подешевле. Док попробовал не озираться слиш-

ком уж очевидно, не искать, откуда падает этот свет, но она заметила, как сверкнули белки его глаз.

– Вам нравится освещение? Нам его много лет назад поставил Джимми Вонг Хау.

– Главный оператор «Тела и души», нет? Не говоря про «Меня превратили в преступника», «Лишь пыль мне суждена», «Дети субботы»...

– Это, – недоуменно, – же все... фильмы с Джоном Гарфилдом.

– Ну... и?

– Джимми и других актеров снимал.

– Не сомневаюсь... о, и еще «Из тумана», где Джон Гарфилд – такой злобный гангстер...

– Вообще-то, мне в той картине больше помнится, как Джимми освещал Айду Лупино, – из-за чего, если вдуматься, я скорее и согласилась на покупку этого дома. Джимми очень был равнодушен к зрелищным бликам – весь этот пот у боксеров, этот хром, драгоценности, блески и так далее... но в его работах еще и духовности столько – посмотрите только на крупные планы Айды Лупино – эти глаза! – там же не отражения софитов с жестким контуром, там свечение, такая чистота, словно исходит изнутри... Прошу прощения, это то, что мне кажется?

– Черт! Все из-за этой Айды Лупино, стоит ее имени возникнуть, как и этот возникает. Прошу вас, не принимайте на свой счет.

– Как любопытно. Не припоминаю, чтобы Джон Гарфилд вызывал у меня такие чувства... но поскольку в час у меня назначена медитация, у нас еще, кажется, есть время выпить – если заглатывать будем быстро, – и вы мне расскажете, что вы здесь делаете. Лус!

Из искусно вылепленных теней проступила молодая дама, впусившая его в дом:

– Сеньора?

– Полуденные *refrescos*¹³, если не возражаешь, Лус. Очень рассчитываю, мистер Спортелло, что «маргариты» вас удовлетворят, – хотя, имея в виду ваши кинематографические предпочтения, быть может, уместнее окажется некий ассортимент пива и виски?

– Благодарю вас, миссис Волкманн, текила будет в самый раз – и до чего приятно освежает, что здесь не предлагают никакой «дури»! Никогда не понимал, что эти хиппи видят в такой дряни! Вы не станете возражать, если я закурю обычную сигарету, кстати?

Она милостиво кивнула, и Док выудил пачку «Бенсон-и-Хеджес» с ментолом, которую не забыл прихватить вместо «Холодков» с учетом ожидаемого тут уровня классности и тому подобного, предложил сигарету хозяйке, и оба закурили. До них от бассейна, чьи габариты Док мог только воображать, долетали отзвуки полицейских игрish.

– Попробую вкратце, и вы сможете вернуться к своим гостям. Ваш супруг планировал подарить нам новое крыло в рамках нашей программы расширения и незадолго до своего загадочного исчезновения действительно перечислил нам некоторую сумму авансом. Однако нам кажется не очень правильным оставлять себе деньги, пока столь мало известно о его местонахождении. Поэтому нам хотелось бы вернуть вам сумму – предпочтительно до конца квартала, и если – а мы все за это молимся – о мистере Волкманне поступят какие-то известия, что ж, тогда, быть может, процесс можно будет возобновить.

Она тем не менее щурилась и слегка покачивала головой.

– Я даже не знаю... Недавно мы поддержали другое заведение, в Охае, мне кажется... Вы, часом, не подразделение или...

– Вероятно, это один из наших Санаториев-Побратимов, программа проводится уже не первый год...

Она подошла к небольшому антикварному бюро в углу, склонилась так, словно выставляла на нестигаемый погляд Доку бесспорно привлекательный зад, и не спеша порылась в разных ячейках, после чего извлекла еще один рекламный снимок самой себя. То была фотогра-

¹³ Легкое угощение, прохладительные напитки (*исп.*).

фия с церемонии закладки фундамента: Слоун сидела за рычагами экскаватора-бульдозера, а в ковше у него сзади виднелся огромный чек – такие еще вручают победителям турниров по боулингу. Какой-то тип в костюме врача улыбался и делал вид, будто смотрит на сумму, разбежавшуюся множеством нулей, хотя на самом деле глазел Слоун под юбку, модно короткую. Еще на ней были темные очки – словно Слоун не хотелось, чтобы ее узнавали, – а на лице выражение, передававшее, насколько ей не хочется здесь быть. На транспаранте у нее за спиной значились дата и название заведения, хотя и то и другое было ровно в таком расфокусе, что Док ухватил лишь впечатление длинного иностранного слова. Он спросил себя, насколько подозрительно будет, если он уточнит у Слоун название, но тут вошла Лус с подносом: гигантский кувшин «маргариты» и остуженные бокалы экзотических очертаний, чье единственное предназначение сводилось к тому, чтобы слуги не могли их мыть без помощи дорогостоящих посудных тряпок, сделанных на заказ.

– Спасибо, Лус. Позвольте я буду Мамой? – беря кувшин и разливая.

Док приметил на подносе еще один бокал, а потому не сильно-то удивился, завидев немного погодя в экране гигантского телевизора в углу отражение крупного мускулистого блондина, безмолвно спустившееся по лестнице: он двигался к ним по коврам, как подосланный убийца из фильма про кунг-фу. Док поднялся разглядеть и поздороваться, быстро взяв на заметку, что длительный зрительный контакт тут означал бы визит к хиропрактику на вправление шеи: эта особа высилась над ним фута на три, если не больше.

– Это мистер Рангоут Трелинг, – сказала Слоун, – мой духовный тренер.

Док не заметил, что они прямо уж «обменялись взглядами», как высказался бы Фрэнк, но если закидываться кислотой для чего-то и полезно, то под ней точно можно настраиваться на разные незарегистрированные частоты. Несомненно, эта парочка на самом деле время от времени садилась на соседние подстилки для медитации и притворялась, будто опустошает себе головы, – для всех, кто мог оказаться поблизости: Лус, легавые, он сам. Но Док мог поспорить на унцию хавайской без семян, да и пачку «Зиг-Зага» добавить, что они также регулярно ебутся и это и есть тот молчел, о котором упоминала Шаста.

Слоун налила Рангоуту выпить и вопросительно нагнула кувшин перед Доком.

– Спасибо, надо в контору возвращаться. Может, вы сообщите мне, куда пересылать возврат и в какой форме вы его хотите?

– Мелкими купюрами! – дружелюбно пробасил Рангоут. – С серийными номерами вразнобой!

– Рангоут, Рангоут, – Слоун не так мрачно, как можно было бы ожидать с учетом возможности, по-прежнему не отмененной, что супруга ее и впрямь похитили, – вечно шуточки бестактные... Быть может, кто-то из ваших сотрудников просто индоссирует чек Майкла обратно на какой-нибудь его счет?

– Разумеется. Сообщите нам номер счета – и считайте, уже отправлено.

– Тогда я заскочу на минутку в кабинет?

Рангоут Трелинг присвоил кувшин «маргариты», из коего отхлебывал, не заморачиваясь процедурой наливания в бокал. Без всякого предупреждения он выпалил:

– Зуполами занимаюсь.

– Прошу прощения?

– Я подрядчик, разрабатываю и строю зупола? Это сокращенно от «зонаэдральных куполов». Величайший конструкторский прорыв после Баки Фуллера. Вот, давайте покажу.

Откуда-то он извлек блокнот миллиметровки и принялся набрасывать что-то на ней – с цифрами и знаками, что вполне могли оказаться греческими, – а вскоре уже распространялся про «векторные пространства» и «группы симметрии». У Дока росло убеждение, что в мозгу его происходит что-то нехорошее, хотя схемы вроде выглядели хипово...

– В зуполах отлично медитировать, – продолжал Рангоут. – Знаете, некоторые на самом деле заходили в зупола, а выбирались из них не совсем такими же? а иногда и вообще не выбирались? Как будто зупола – порталы куда-то еще. Особенно если в пустыне стоят, где я и провел почти весь прошлый год?

У-гу.

– Вы у Мики Волкманна работали?

– В Аррепентимьенто – этот проект у него давняя мечта, под Лас-Вегасом. Может, видели статью в «Архитектурном дайджесте»?

– Пропустил. – Вообще-то, Док хоть с какой-то регулярностью читал только один журнал – «Голые нимфетки-подростки», который и выписывал – ну или, бывало, выписывал, пока не стал находить у себя в почтовом ящике те номера, что до него все-таки доходили, уже вскрытыми, а страницы в них – слипшимися. Но про это он решил не упоминать. Плавнo вернулась Слоун с полоской бумаги.

– Я пока сумела найти единственный номер – на общий ссудно-сберегательный счет Майкла, надеюсь, для ваших специалистов это не проблема. Вот чистый бланк на депозит, если пригодится.

Док встал, а Слоун осталась там же, где была, – достаточно близко, чтобы ее сграбастать и надругаться над ней: такая мысль неизбежно взбрела Доку на ум – и, вообще-то, не торопилась уходить, не раз оглядывалась и подмигивала. Кто знает, что за жуткие деянья могли впоследствии, не появившись тут снова Лус и не метнув в него, если только он не галлюцинировал от текилы, предупреждающий взгляд.

– Лус, ты не могла бы проводить мистера Спортелло?

Внизу, посреди коридоров, уводивших к неведомому количеству спальных апартаментов, Док, словно бы только что вспомнив, что ему надо отлить, сказал:

– Не против, если я в ванную загляну?

– Запросто – *если* ничего не сопрете.

– Ох, батюшки. Надеюсь, это не означает, что из вот тех вот полицейских у бассейна кто-то вернулся в привычное состояние... эм, иначе говоря...

Она покачала пальцем – нет, мол, – и, проворно оглядевшись, словно дом мог прослушиваться, согнула руку и напрягла бицепс, а глазами показала на потолок.

Рангоут – ну да, похоже. Док улыбнулся и кивнул, а на публику сказал:

– Благодарю вас, э... *muchas gracias*¹⁴, в общем, Лус, я только на минутку.

Она изящно припала к двери и проводила его взглядом – глаза темные и деловитые. Док засек вход в дворцовую ванную и, угадав, что ею пользовался Мики, вошел – после чего проник и в прилегающую спальню.

Вынюхивая, он наткнулся на несколько странных галстуков – те висели в гардеробной на собственной вешалке. Док включил свет рассмотреть. На первый взгляд – винтажные шелковые, разрисованные вручную, на каждом изображении своей голой женщины. Только женщины были не совсем винтажны. Возбужденные клиторы, раздвинутые губы с бликами, намекавшими на влажность, через плечо женщины эти приглашали к анальному вторжению, и каждая мурашка на коже, каждый волосок на лобке тщательно зафиксированы с фотографической точностью. Док увлекся созерцанием искусства, по ходу заметив кое-что поразительное и в лицах. Не мультяшные у них черты из какого-нибудь каталога выражений «выеби меня». Это лица – и тела, как он догадался, – конкретных женщин. Может, какой-нибудь реестр подружек Мики Волкманна. А Шасты Фей здесь, часом, нет? Док взялся перебирать галстуки один за другим, стараясь ни на что не потеть. Вот ему только что попался портрет Слоун – бесспорно это она, а не просто какая-то блондинка: раскинулась на сбитых простынях, ноги-руки мор-

¹⁴ Большое спасибо (*исп.*).

ской звездой, веки опущены, губы сияют: натура Мики предстала едва ль не с джентльменского ракурса, Док на такое не рассчитывал, – и тут сзади вокруг его талии скользнула рука.

– Йяааагхх!

– Ищите дальше, я там тоже где-то есть, – сказала Лус.

– Щекотно ж, детка!

– Вот она я. Пикантно, а? – Ясное дело – Лус, в полном цвете на коленях, смотрит вверх, зубы оскалены, как показалось Доку, в улыбке не вполне манящей.

– Сиськи у меня не такие большие на самом деле, но намерение здесь засчитывается.

– И вы, дамы, все для них позировали?

– Ага, есть один в Северном Холливуде, работает на заказ.

– А вот эта цыпа, как ее. – Док, старательно не подпуская в голос дрожи. – Та, что пропала?

– А, Шаста. Ну, она тут тоже где-то, – но, как выяснилось, странным образом она была не тут и не где-то; Док просмотрел пару-тройку оставшихся галстуков, но портрета Шасты не обнаружилось ни на одном.

Через плечо Дока Лус пялилась в спальню Мики.

– Он всегда, бывало, брал меня в душ и ебал, – предалась воспоминаниям она. – Мне так и не выпало случая сделать что-нибудь на этой оттяжной кровати.

– Это вроде легко устроить, – без мыла вставил Док, – может... – И тут, куда деваться, из динамика интеркома в коридоре разнесся кошмарный низкокачественный визг.

– ¡Luz! ¿Dónde estás, mi hijita?¹⁵

– Блядь, – бормотнула Лус.

– Возможно, в другой раз.

У выхода Док ей дал липовую карточку МИКРО, на которой значился настоящий номер его конторы. Карточку Лус сунула в задний карман джинсов.

– Вы ведь на самом деле не мозгоправ, да?

– С ч... может, и нет. Но у меня есть кушетка.

– ¡Psicodélico, ése!¹⁶ – сверкнув этими знаменитыми зубами.

Док как раз сажился в машину, когда из-за угла на полной скорости вырулила синеглазка, все фонари плавают, и затормозила рядом. Переднее пассажирское окно открылось вниз, высунулся Лягаш.

– Не туда ты забрел, Спортелло, траву косить, ох не туда, а?

– Что... ты в смысле, у меня опять ум за разум заходит?

Легавый за рулем заглушил двигатель, оба копа вышли и приблизились к Доку. Если только Лягаша не понизили в должности из некоего причудливого неуважения ПУЛА, кое Доку наверняка никогда не под силу будет постичь, этот второй легавый никак не мог быть напарником Лягаша, хотя вполне был способен оказаться близким родственником – у обоих вид был гладкий и злобный. Партнер этот воздел на Дока брови.

– Не против, если мы поинтересуемся содержимым этого симпатичного ридикюля, сэр?

– Там только мой обед, – заверил его Док.

– О, уж *обед-то* мы вам обеспечим.

– Ну-ну, Спортелло просто выполняет свою работу, – Лягаш сделал вид, будто успокаивает второго легавого, – старается выяснить, что произошло с Мики Волкманном, как все мы. Ничем пока не хочешь поделиться, Спортелло? Кого – прошу прощения, *что* – там супружница поделявает?

¹⁵ Лус! Где ты, дочь моя? (исп.)

¹⁶ Зд.: Психодел, а? (исп.)

– Эта дамочка держится мужественно, как мало кто, – Док, искренне кивая. Подумал было перейти на то, что Пэт Дюбонне рассказал ему про Лягаша и Мика – дескать, закадычные кореша, – но этот второй фараон как-то эдак к ним прислушивался... слишком уж внимательно, может даже, если б кому захотелось попараноить на это счет, так, словно он тут под прикрытием, докладывает какому-то другому уровню в ПУЛА, и на самом деле задание у него, по сути, присматривать за Лягашом...

Слишком много пищи для мыслей. Док разместил у себя на лице самую бесполезную торчковую ухмылку:

– Там сотрудники правопорядка, ребята, но меня им никто не представлял. Может, они даже и *federales*, откуда мне знать.

– Обожаю, когда все дело катится к чертям, – заметил Лягаш, просияв улыбкой. – А ты, Лестер, – не напоминает ли это тебе, зачем мы все здесь?

– Бодрей, *compadre*¹⁷, – ответил Лестер, возвращаясь к патрульной машине, – наш день еще придет.

И они на скорости отвалили, жажнув сиреной только для пикантности. Док сел в машину и устался на резиденцию Волкманна.

Нечто его уже какое-то время грызло – а именно: что это с Лягашом такое стало, разъезжает все время в синеглазках? Насколько Доку известно, детективы в костюмах и при галстуках ездят в седанах без опознавательных знаков, обычно по двое; офицеры в форме – тоже. Но он не припоминал, чтобы когда-нибудь видел Лягаша на работе с другим детективом...

Ох, минуточку. Из непреходящей готовности к смогу, коей ему нравилось считать свою память, что-то начало проступать – слух, скорее всего, через Пэта Дюбонне, про напарника Лягаша: сколько-то назад его насмерть застрелили при исполнении. И с тех вот самых пор, гласила история, Лягаш работает один, замена тому напарнику не запрашивается и не назначается. Если это значило, что Лягаш по-прежнему в каком-нибудь легавом трауре, они с покойным парнем, поди, были необычайно близки.

Такая дружба напарников – примерно единственное, чем Док, по всему своему опыту, мог восхищаться в ПУЛА. Во всей долгой прискорбной истории Управления, исполненной коррупции и злоупотреблений властью, по крайней мере, этого они не продали, а оставили себе, выковали в опасных неизвестностях жизни и смерти одного рабочего дня за другим, – нечто подлинное, такое надо уважать. Этого не подделать, бесспорно, не купить за услуги, деньги, повышения по службе – весь ассортимент капиталистического стимулирования не подарит и пяти секунд внимания к твоему тылу, когда оно действительно важно: ты сам должен вылезти и такое заработать, подставляя свою жалкую жопку под пули, снова и снова. Не ведая никаких подробностей того, через что пришлось пройти Лягашу с его покойным напарником, Док все равно мог поставить все содержимое своей заначки на будущий год: если бы – невероятно, но если б вдруг – Лягаша попросили составить список тех, кого он любит, этого парня он бы разместил где-то ближе к началу.

Значит, тем не менее что? Док тут чего, полезет к Лягашу с бесплатными советами? Нетнетнет, скверная это мысль, предостерег себя Док, скверная, пусть чувак сам свою скорбь перебарывает, или что у него там, без твоей помощи, ага?

Еще бы, ответил Док сам себе, мне-то зашибись такой расклад, чувачок.

¹⁷ Приятель (исп.).

6

Не дозвонившись помощнику ОП Пенни Кимбалл домой, в конце концов Док был вынужден набрать номер ее городской конторы. У Пенни случайно отменился обед, и она согласилась вписать Дока. Он появился в чудную забегаловку в трущобах где-то возле Темпл, где пьянчуги, вылезши из скаток на пустырях, оставшихся от прежнего Никеля, мешались с главными судьями первой инстанции на перерывах в заседаниях, не говоря уж о выводах юристов в костюмах, чья многодецибельная болтовня отскакивала от зеркальных стен, грохоча и грозя по временам опрокинуть мерзавчики с мускателем и токаем за восемьдесят пять центов, что пирамидами громоздились за мармитами.

И вот вошла Пенни, одна рука небрежно в кармане жакета, перекинулась по паре цивилизованных слов с не одним и не двумя идеально выложенными сотрудниками. На ней были темные очки и такой серый деловой прикид из полиэстера, где юбка очень короткая.

– Это дело Волкмманна – Муштарда, – приветствовала она Дока, – главный фигурант в нем, очевидно, какая-то старая твоя подружка? – Нет, он вовсе не ожидал от нее дружеского поцелуя или вроде того – все же коллеги смотрят, да и не хотелось ему, как говорится, малину ей портить. Дипломат она положила на столик и уставилась на Дока – несомненно, в зале суда так делают.

– Только что услышал – она слиняла, – сказал Док.

– Спрошу иначе... насколько вы *были* близки с Шастой Фей Хепчест?

Док и себе задавал этот же вопрос уже некоторое время, но ответа на него не знал.

– У нас с ней все кончилось много лет назад, – ответил он. – Месяцев? Ей другую рыбку подавай. Разбилось ли у меня сердце? Еще бы. Если б ты, малышка, не возникла, кто знает, как фигово бы мне стало?

– Это правда, тебе был пиздец. Но если былье не трогать, вступал ли ты с мисс Хепчест в контакт, скажем, за последнюю неделю?

– Так-так, забавно, что ты спросила. Она меня навестила за пару дней до того, как исчез Мики Волкмманн, – с историей про то, как его жена и ее молодой человек сговорились упечь Мики в психушку и оттопырить себе все его деньги. Стало быть, очень надеюсь, что вы, ребята, – или же легавые, или еще кто – с этим разбираетесь.

– Ты же такой бывалый сыскарь – считаешь, это надежная зацепка?

– Знавал и похуже – ой, погоди, я врубился: вы все на это просто собираетесь забить. Верно? у какой-то хипушки не заладилось с молчелом, мозги набекрень от шмали секса рок-н-ролла...

– Док, я ни разу не видела, чтоб ты так распалялся.

– Потому что обычно свет погашен.

– Ага, ну так ты, судя по всему, ничего этого лейтенанту Бьёрнсону не рассказывал, когда он тебя загреб на месте преступления.

– Шасте я дал слово, что сначала поговорю с тобой – не поможет ли кто в конторе у ОП. Звонил тебе, звонил, денно и ночью, ответа нет, и тут вдруг – бац, Волкмманн исчез, Глен Муштард помер.

– А Бьёрнсен, похоже, считает, что в этом деле ты подозреваемый не хуже прочих.

– «Похоже...» – ты с *Лягашом*, обо *мне*, говорила? Фигасебе, ну никогда нельзя доверять девкам с плоскости, чувак, главная директива жизни на пляже, да и все, чем мы были друг для друга, эгей если так суждено, о'кей, как всегда грит Рой Орбисон, – театрально подставив ей запястья, – давай уж сразу и покончим...

– Док. Ш-ш-ш. Прощу тебя. – Она такая милашка, когда ей неловко, морщит носик и прочее, только это ненадолго. – Кроме того, может, ты это и *сделал*, тебе такая мысль в голову

не приходила? Вдруг ты просто удобно обо всем забыл, ты же часто все забываешь, и эта твоя причудливая реакция сейчас – типично вывихнутый способ во всем признаться?

– Ну, только... Как я бы мог такое забыть?

– Трава и кто знает, что еще, Док.

– Эй, да ладно тебе, я и курю-то не взятяг.

– О как? Сколько в среднем косяков в день?

– Эм... надо в бортовой журнал глянуть.

– Слушай, на этом деле сидит Бьёрнсен, только и всего, он будет допрашивать сотни из вашей публики...

– Наша публика. Через *окно*, бля, опять ко мне вломится, ты вот это хочешь сказать.

– Согласно полицейским рапортам, ты в прежних случаях предпочитал забаррикадировать дверь.

– Ты мои корки подняла и меня проверила? Пенни, да тебе и *впрямь* небезразлично! – со взором, означающим восхищение, но все эти зеркала тут, когда Док сверился с отражением, почему-то представили его как взгляд очередного красноглазого торчка.

– Схожу за сэндвичем. Тебе чего-нибудь принести? Ветчина, телятина или говядина?

– Разве что Овощ Дня?

Док понаблюдал, как она становится в очередь. Что за игры ПОПов она тут с ним затеяла? Неплохо бы верить ей больше, но работа безжалостна, а жизнь в Л.-А. психоделических шестидесятых столько раз предостерегала от слишком большого доверия, что косяком тут не отмахнешься, да и семидесятые выглядели не обещающее.

Про это дело Пенни знала больше, чем делилась с Доком. Он уже насмотрелся на увертки, которыми юристы скрывают информацию: законники учили им друг дружку, по выходным сидели на семинарах в мотелях Ла-Пуэнте, полировали эти навыки и смазывали – и никакого резона, как это ни печально, для того, что Пенни окажется исключением.

Она вернулась к столу с Овощем Дня – распаренной брюссельской капустой, наваленной на тарелку. Док ею занялся.

– Ням-ням, чувак! подвинь-ка «Табаско» поближе – эй, а с кем-нибудь у криминалистов ты еще не разговаривала? Может, твоей подруге Лагонде попадались результаты Гленова вскрытия?

Пенни пожала плечами:

– Лагонда про это говорит только «очень деликатное». Тело уже кремировали, а больше она об этом ни слова. – Она немного посмотрела, как Док ест. – Ладно! Как там все на пляже? – с низкоискраенной улыбкой, которой он уже мудро научился опасаться. – «Оттяжно»? «психоделично»? сёрфовые зайки, как обычно, внимательны? А, и как те две стюхи, с которыми я тебя застала в тот раз?

– Я ж говорил, чувак, там все дело в джакузи было – краны слишком открутили, ну и бикини у них как-то загадочно сами развязались, ничего преднамеренного...

Похоже, не пропуская в последнее время ни единого подобного случая, Пенни имела в виду случайных партнерш Дока по шалостям – пресловутых стюардий Лурд и Мотеллу, занимавших холостяцкие хоромы в Гордите на Прибрежном проезде, с сауной и бассейном, а посреди бассейна – бар и, как водится, неистощимый запас высококачественной травы, ибо дамы, как известно, контрабандой ввозили запретный товар, к сему моменту якобы уже накопив громадные состояния на счетах оффшорных банков. Однако после заката при, считай, любом перестое в этих краях они, похоже, рано или поздно пускались патрулировать безрадостные магистрали гнетущего лос-анжелесского захолустья, из некой неодолимой тяги к обществу выискивая первых подвернувшихся подонков.

– Может, когда-нибудь вскоре и увидишься с ними? – Пенни, избегая встречаться взглядом.

– Лурд и Мотелла, – осведомился он как мог нежно, – они, э-э, что, Цыпы Оперативного Интереса для твоей шарашки?

– Не столько они, сколько те, с кем они в последнее время водятся. Если при манипуляциях с бикини тебе случится услышать, что они упоминают одного или обоих молодых господ по прозваниям Крендель и Хоакин, ты не мог бы это отметить на чем-нибудь непромокаемом и потом дать мне знать?

– Эй, если собираешься гулять с кем-нибудь вне юриспруденции, я тебе это устрою. А если совсем нейдет, всегда есть я.

Она посматривала на часы.

– У меня бешеная неделя впереди, Док, поэтому если тут ничего радикально не раскошегарится, я надеюсь, ты понимаешь.

Как мог романтично, Док спел ей фальцетом несколько тактов «Правда будет мило?».

Она освоила этот трюк – лицом обращаться в одну сторону, а глазами в другую, на сей раз – искоса на Дока, веки полуопущены, да еще и с улыбкой, которая наверняка подействует.

– Проводишь меня до конторы?

У Суда штата, будто бы что-то вспомнив:

– Ты не против, я кой-чего занесу в Федеральный, это рядом? Недолго.

И двух шагов по вестибюлю они не сделали, как к ним присоединились или, он хотел сказать, их окружили, два федерала в дешевых костюмах, агентам не мешало бы чуточку позгорать.

– Это мои ближайшие соседи, особый агент Пазник, особый агент Погранье – Док Спортелло.

– Должен сказать, ребята, всегда вами восхищался, в восемь вечера каждое воскресенье – у-у, ни одной серии не пропускаю!

– Дамская уборная дальше в ту сторону, так? – сказала Пенни. – Я мигом.

Док проводил ее взглядом, пока не скрылась. Он знал, как Пенни ходит, когда ей надо отлить, а это походка не такая. Мигом она не вернется. Секунды полторы ему выдалось на духовную подготовку, пока агент Пазник не сказал:

– Пойдемте, Лэрри, кофейку нацедим где-нибудь. – Они вежливо, но твердо направили его в лифт, и целую минуту он раздумывал, когда ему выпадет еще разок дунуть.

Наверху они загнали Дока в отсек с портретами Никсона и Дж. Эдгара Гувера в рамках. Кофе – в шикарных черных кружках с золотыми эмблемами ФБР, – судя по вкусу, не отнимал слишком уж большую долю их представительских расходов.

На взгляд Дока, оба федерала в город приехали недавно – может, прямиком из столицы нации. Он уже наглядился на этих засланцев с Востока, что высаживались в Калифорнии, рассчитывая иметься с мятежными и экзотическими аборигенами, и либо поддерживали вокруг себя силовое поле презрения до самого окончания командировки, либо же с ослепительной скоростью оказывались босиком, обдолбанными, подбрасывали в костер и свою палку иплыли, куда прибой вынесет. Середины в этом диапазоне выбора, похоже, не было. Доку затруднительно не представлять себе эту парочку эдакими фашистами сёрфа, обреченными повторять закольцованное пляжное кино некоего жестокого, но зрелищного падения с доски.

Агент Погранье извлек папку и принялся ее листать.

– Эгей, а это у вас чего... – Док дружелюбно выгнул шею на манер Рональда Рейгана, заглядывая в нее. – *Федеральное досье?* на меня? Фигасебе, чуваки! По-крупному!

Агент Погранье резко захлопнул папку и сунул в стопу других на тумбочке у стола, но Док успел заметить размытый снимок себя телевизором на какой-то стоянке, вероятно – у «Томми»: он сидит на капоте своей машины с гигантским чизбургером и недоуменно его рассматривает, прямо-таки *тычет* в слои маринованных огурчиков, огромных помидорных ломтей, салата,

перцев чили, лука, сыра и так далее, не говоря уже про ту часть, которая говяжья котлета, как бы в последний момент – явный намек знакомым с практикой повара Кришны за пятьдесят центов сверху добавлять куда-то сюда косяк, завернутый в вощеную бумагу. Вообще-то, традиция эта пошла много лет назад из Комптона и добралась до «Томми», по крайней мере, к лету 68-го, когда Док, оголодав после демонстрации против планов Эн-би-си отменить «Звездный путь», влился в процессию разгневанных поклонников в острых резиновых ушках и мундирах Звездного флота и занырнул (как показалось) по бульвару Беверли в глубину Л.-А., за крутой поворот и на тот лоскут города, что ютится между Холливудской и Портовой магистралями, – и вот там-то, на углу Беверли и Коронадо, узрел бургерный пуп вселенной...

– Что такое? Я задумался.

– У вас слюни на стол текли. И видеть это досье вам не полагается.

– Я только хотел спросить, нет ли у вас лишних копий, люблю, знаете ли, носить с собой свои снимки, вдруг кому автограф захочется?

– В настоящее время, как, вероятно, вам известно, – произнес агент Пазник, – почти вся энергия нашего учреждения уходит на расследование деятельности Групп Ненависти Черных Националистов. И нам стало известно, что не так давно и вам нанес визит известный член черной боевой тюремной группировки, называющий себя Тариком Халилом. Естественно, это возбудило наше любопытство.

– Вообще-то, все дело тут в хронологии, – симулировал объяснение агент Погранье. – Халил навещает вас на рабочем месте, на следующий день убивают его известного тюремного знакомого, исчезает Майкл Волкманн, а вас арестовывают по подозрению.

– И снова выпускают, эту часть не забудьте. Вы, ребята, с Лягашом Бьёрнсенем про это беседовали? у него там целое дело заведено, гораздо больше информации, чем мне вообще выпадет, а разговаривать вам с ним очень было б в жилу, весьма интеллигентный и всяко.

– Раздражение лейтенанта Бьёрнсена федеральным уровнем отмечается широко, – агент Погранье, отрываясь от скоростного чтения еще одной папки, – и его сотрудничество с нами, если оно случится, вероятно, будет ограничено. Вы же, напротив, можете знать то, чего не знает он. К примеру, как насчет тех двух сотрудниц «Авиалиний Кахуна» – мисс Мотеллы Хейвуд и мисс Лурд Родригес?

О коих и Пенни только что осведомлялась. Что за странное и таинственное совпадение.

– Ну а какое отношение эти юные дамочки имеют к вашей КОРАЗПРО¹⁸ по Черным Националистам, не просто, я надеюсь, не только из-за того, что обе они случайно неанглосаксонского происхождения или вроде того...

– Обычно, – заметил агент Пазник, – задаем вопросы мы.

– Само собой, ребзя, но мы разве не одним делом занимаемся?

– И обзывать совсем не обязательно.

– Просто поделились бы с нами тем, что вам мистер Халил сказал в тот день, когда заглянул к вам, – предложил агент Погранье.

– Ой. Он же клиент, поэтому беседа конфиденциальная, вот и не поделюсь. Извините.

– Если она имеет значение для дела Волкманны, мы можем и не согласиться.

– Ништяк, да только у меня вот что не срывается – если ваша лавочка на самом деле так заиклена на «Черных пантерах» и всех этих давайте-вы-подеретесь с публикой Рона Каренги и так далее, чего ради тогда ФБР так интересоваться Мики Волкманном? Кто-то поиграл в «Монополию» с федеральными средствами на жилье? не, это вряд ли, у нас же тут Л.-А., здесь такого не бывает. Отчего ж тогда, интересно?

– Это мы обсуждать не можем, – агент Пазник самодовольно и, Док понадеялся, ведаясь на его намеренно бестолковую перекрестность допроса.

¹⁸ Контрразведывательная программа.

– Ой, погодите, я знаю – через сутки это уже официальное похищение, границы штатов или как-то, поэтому вы, ребята, должно быть, считаете, что это *операция Пантер*, – скажем, они умыкнули Мики, чтобы как-то политически высказаться, да и по ходу недурственный выкуп себе попробовали оттопырить.

При этих словах два федерала, словно бы помимо воли, быстро и нервно переглянулись, намекая, что они уже, по крайней мере, прикидывали это как легенду.

– Вот облом и так далее, и хотел бы помочь, да этот парень Халил и телефончика-то своего не оставил, знаете же, какие они бывают безответственные. – Док встал, загасил сигарету в остатках ФБР-овского кофе. – Передайте Пенни, ништяк, что она устроила нам этот сходнячок, о, и эй – а я б запел у вас на допросе, можно?

– Конечно, – ответили агенты Пазник и Погранье.

Прищелкивая пальцами, Док с песней вымелся в дверь, четыре такта «Унеси меня на луну», более-менее в тональности, и прибавил:

– Я знаю, у Директора тема с черножопыми пенисами, и очень надеюсь, вы найдете Мики, пока не начнется буча в бараках.

– Он не идет нам навстречу, – пробормотал агент Погранье.

– Будьте на связи, Лэрри, – крикнул ему вслед агент Пазник. – Не забывайте, информатором КОРАЗПРО вы можете зарабатывать до трехсот долларов в месяц.

– Еще бы. Привет Лью Эрскину и всей банде.

Однако в лифте до самого низа Док переживал только из-за Пенни. Если лучший козырь у нее в кармане теперь – сдать его *federales*, кто-то наверняка макнул ее в говно. А вот насколько глубоко и кто? Первой на ум приходила вот такая связь: и федеральный, и окружной хитрые домики интересовались стюардиями Лурд и Мотеллой, а также их друзьями Кренделем и Хоакином. Ага, лучше разобраться с этим как можно скорее, в особенности – из-за того, что девушки только-только с Хавайев и, вероятно, дом у них – полная чаша сверхмощной дури.

А Мики тем временем видали повсюду. В мясном отделе «Ралфа» в Калвер-Сити он тырил филе-миньоны партиями для крупной тусовки. В Санта-Аните по душам разговаривал с личностью по имени то ли Коротышка, то ли Торопыжка. По некоторым сообщениям – и так, и так. В баре Лос-Мочиса глядел старую серию «Захватчиков» с испанским дубляжем и сам себе писал срочные меморандумы. В аэропортовых залах для почетных гостей от Хитроу до Гонолулу хлестал опрометчивые смеси виноградного и зернового, не наблюдавшие со времен Сухого Закона. На антивоенных митингах в Районе Залива умолял разнообразные вооруженные власти скосить его и тем закончить ему все горести. В Дереве Джошуа закидывался пейотом. Возносился к небесам в ореоле едва ль не несмотрительного сиянья – к космическому кораблю неземного происхождения. И так далее. Док завел папку для подобных сообщений и надеялся, что не забудет, где ее держит.

Возвращаясь под конец того дня с работы, он умудрился заметить на парковке такую долговязую блондинку и в придачу – равно знакомую *восточную милашку*. Да! именно этих юных дамочек из массажного салона «Планета цып»!

– Эй! Нефрит! Бэмби!

Девушки, параноически оглядываясь через привлекательные плечики, побежали и прыгнули в некую разновидность «импалы» Харли Эрла, со скрежетом вырулили со стоянки и, дымя резиной, умчались по Западной Имперской. Стараясь не воспринимать этого лично, Док снова зашел и спросил Петунию, которая, укоризненно качая головой, вручила ему рекламную листовку на «Блюдо Дня для Кискоедов Массаж Планета Цып».

– Ой. Ну, это я могу объяснить...

– Порочная и одинокая работа, – пробормотала Петуния, – но кто-то должен ее выполнять, как-то так? Ох, Док.

На обороте листовки маникюрной кисточкой жгуче-розовым лаком для ногтей было выведено: «Слыхала, тебя выпустили. Надо встретиться насчет кой-чего. На неделе по вечерам работаю в „Клубе Азьятик“ в Сан-Педро. Любовь и Мир, Нефрит. P. S. – *Берегись Золотого Клыка!!!*»

Ну, вообще-то, и Док бы не против вкратце перетереть с этой Нефрит, поглядеть, как так вышло, что она, последняя, с кем он разговаривал еще в «Планете цып» перед тем, как, по выражению Джима Моррисона, соскользнуть «в беспамятство», сыграла некую роль в том, что его беспутную задницу подставили тем, кто умыкнул Мики Волкманна и пристрелил Глена Муштарда.

Посему, зная, что и они давние завсегдатайши «Клуба Азьятик», он направился прямо-ком к припляжному особняку Лурд и Мотеллы – те сегодня вечером, как выяснилось, нацелились именно в этот береговой притон на встречу со своими текущими воздыхателями, Лицами Оперативного Интереса для ФБР, Кренделем и Хоакином, и тем самым предлагают Доку возможность выяснить, из-за чего *federales* ими так интересуются, и в то же время – погребают все надежды, кои Док мог бы лелеять касаясь усовершенствованного наркотиками троесобойчика между ним одним и двумя девушками – ну, этому, как всегда грит Толстяк Домино, «никогда не бывать», так оно, впрочем, с этой парочкой обычно и бывало.

– Ничё, если я с вами?

Мотелла оделила его скептическим ОВ¹⁹.

– Эти сандалии у тебя маргинальны, клеша сойдут, с верхом надо что-то делать. Во, погляди, – заводя его в набитый снаряжением гардеробный чулан, из сумрака коего Док выхватил первую попавшуюся на глаза хавайскую рубашку, попугаи таких психоделических расцветок, некоторые проступают только под черным светом, что даже в попугаячьих общинах, и без того знаменитых экстравагантностью окраса перьев, на них бы пялились, а там еще и такие цветки гибискуса, что раз нюхнешь – и уже назально-кислотный откидон случится, – ну и трубчато-зеленый фосфоресцирующий прибор. Очень желтый месяц на небе. Девки с большими сиськами хулу отплясывают.

– Еще можешь вот это надеть, – вручая ему нитку бисера любви из беспоплиного торчкового магазина «Авиалиний Кахуна», который открывался на борту всякий раз, когда лайнер оказывался в международном воздушном пространстве, – только потом верни.

– Ааххх! – Лурд меж тем в ванной, вопит, вжавшись носом в зеркало. – Снимки представлены НАСА!

– Тут просто свет такой, – поспешил отметить Док. – Вы отлично выглядите, ребята, отлично, честно.

Так они и выглядели, и вскоре, облачившись в согласованные платья из салона «Династия» в хонконгском «Хилтоне», девушки, повиснув у Дока на обеих руках, проследовали по переулку, где, запертая в гараже с единственным пыльным окошком, сквозь тусклое старое стекло сияла эдакая мечта – сверхъестественно вишневый винтажный «оберн», цветом буро-малиновый, с отделкой грецким орехом кое-где и номерной табличкой «ЛИМ УУХ».

Проездом по магистралям Сан-Диего и Портовой, жизнерадостные стюардии просвещали Дока целым списком достоинств Кренделя и Хоакина, посреди коего он бы обычно отключился, но поскольку интерес ФБР к мальчишкам разжег любопытство и у него, пришлось слушать. Ну а кроме того, отвлекало от излишне самоубийственной, казалось Доку, манеры Лурд пилотировать «оберн».

По радио передавали золотую старушку «Досок», в которой рок-критики отмечали определенное влияние «Пляжных мальчиков», —

¹⁹ Зд.: оценивающий взгляд.

Свет не знал таких галлю-цинаций.
Она крикнула: «Газуй давай, ты что?»
Как тут отказать – ей 18,
И она несется в «ГТО»?

Рвем на север с красного в Топанге —
С визгом дым из-под колес идет.
Под капотом моего «мустанга»
Гоночный так сказочно ревет...
[*Проигрешь*]
Морда к морде – когда ворвались
В Лео Каррилло [*Рифф духовой секции*],
Гонка гордо, не стихла на Мысе Мэгу...

«Форд-мустанг» и лихой «понтии-ак» —
Мчимся пьяно вдоль океана:
Фанаты моторов только так и жгут.

Бак забыл залить на Сан-Диего —
На парах попробуй покатить, —
А она мне ручкой: *hasta lu-ego*, – в Кали —
Форнии умеют так шутить...

(Док попытался прислушаться к инструментальной вставке, и хотя сквозняки на «Лео Каррилло» накладывали славные гармонии мариачи, на теноре вряд ли был Шланг Харлин-джен, какой-то другой специалист по соло в одну-две ноты.)

Вот я на обочине хирею,
Вдруг – знакомый рев ее движка.
Что же на сиденье рядом с нею?
Красная канистра чистяка...

И рванули мы обратно, мимо
Лео Каррилло [*Тот же рифф духовых*],
Морда к морде аж до Малибу —
«Форд-мустанг» и лихой «понтии-ак»,
Мчимся пьяно вдоль океана —
А иначе я и не могу...

Девушки на переднем сиденье подсакивали на ходу, визжа:
– ¡A toda madre!²⁰ – и: – Ништяк будет, девки! – и все такое прочее.
– Крендель и Хоакин – они та-а-акие потрясные, – до обморока заливалась Мотелла.
– ¡Seguro, ése!²¹
– Ну, вообще-то, я имела в виду только Кренделя, про Хоакина я ж ничего сказать не могу, а?
– Почему это, Мотелла.

²⁰ Зд.: Охуеть не встать! (исп.)

²¹ Зд.: Ну дак еще б! (исп.)

– Ууу, как представишь, каково оно – ложиться в постель с тем, у кого *имя другого человека? вытатуировано* на теле?

– Не проблема, если только в постель не читать ложишься, – пробормотала Лурд.

– Дамы, дамы! – Док сделал вид, что расталкивает их, как Мо. – Рассредоточься!

Док уже сообразил, что Крендель и Хоакин – бывшая парочка из пехтуры, только что из Вьетнама, наконец-то вернулись в Мир, хотя до сих пор, казалось, они выполняют ответственные задания, ибо перед самым отбытием прослышали о некоем безумном плане, в котором фигурировали «конэксы», набитые наличкой США, – их транспортировали, ходило поверье, в Хонконг. Торговля долларами внутри страны официально была чревата многими долгими годами на губе, но раз деньги оказывались в нейтральных водах, если верить различным их знакомым трепачам, ситуация неизбежно менялась.

Они зарегистрировались на рейс Лурд и Мотеллы в Кайтак, а головы им уже до того серьезно вскружили дарвон, бибох, пиво из гарнизонной лавки, вьетнамская шмаль и аэропортовый кофе, что они в широком спектре были неспособны поддерживать обычную самолетную болтовню, и таким вот образом, как рассказывали дамы, едва погасли табло «Пристегните ремни», Лурд с Хоакином и Мотелла с Кренделем соответственно оказались в соседних уборных, где ебли друг дружку до утраты мозга. Катавасия продолжалась на перестое девушек в Хонконге, а контейнеры с наличкой тем временем становились все более труднозасаеваемы, не говоря уже – маловероятны, хотя Крендель и Хоакин действительно пытались, когда им это позволяли затишья в восстановлении здоровья, продолжать все более безэнтусиазменный их поиск.

«Клуб Азьятик» располагался в Сан-Педро напротив острова Терминал, из него открывался профильтрованный вид на мост Винсента Томаса. Ночью он казался прикрытым, в каком-то смысле – защищенным чем-то глубже тени: визуальное выражение конвергенции, со всего Тихоокеанского кольца, бессчетных нужд вести дела как можно неприметнее.

Стеклянная посуда за стойкой бара, коя в каком-нибудь другом типе салуна могла бы считаться слишком уж ослепительной, здесь приобрела смазанный прохладный блеск изображений в дешевых черно-белых телевизорах. Официантки в черных шелковых чонсамах, запечатанных красными тропическими цветами, скользили повсюду на высоких каблуках, разнося высокие узкие напитки, украшенные настоящими орхидеями, ломтиками манго и соломинками из яркого аквамаринового пластика, отлитого в такие формы, чтобы напоминать бамбук. Посетители за столиками подавались друг к дружке, потом отстранялись – в медленных ритмах, словно растения под водой. Завсегдатаи стопками хлебали горячий сакэ, запивая его ледяным шампанским. Воздух был густ от дыма опийных трубок и бонгов с каннабисом, равно как и гвоздичных сигарет, малайзийских сигар и «Холодков» системы исправительных наказаний, повсюду в сумраке то ярче, то тусклее пульсировали крохотные тлеющие фокусы осознания. Внизу, для ностальгирующих по Макао и утехам Фелисидад-стрит, денно и ночно не заканчивалась привилегированная партия в фантан – а также в маджонг и го по доллару за камушек – в различных альковах за бисерными занавесями.

– Итак, Док, друг мой, – предупредила Мотелла, когда они скользнули в кабинку, задрапированную какой-то тигриной шкурой, набитой на ситец оттенками лилового лака для ногтей и броской ржавчины, – не забывай, сегодня раскручиваемся мы с Лурд, поэтому, ну, только выпивка, никакой срани под зонтиками. – Дока больше чем устраивало, учитывая их неравенство доходов и прочее.

Крендель и Хоакин возникли, как только клубный оркестр заперколировал живеньким исполнением «дверной» «Люди странны (когда сам странник)», – щеголяя широкополыми панاماами, липовыми дизайнерскими очками и белыми гражданскими костюмами, купленными с какой-то вешалки в «Поместьях Кайзера» в Цзюлуэ, – вхляляли в ногу, по шагу на такт, помахивая в воздухе указательным пальцем, и вглубь самых глухих пределов клуба.

– Хоакин! Крендель! – вскричали девушки, – Ох нифигасе! Врубись-ка! Так ништячки смотрите! – И тому подобное. Хотя немногие мужчины, вообще-то, живут настолько зашибенски, что не поведутся на подобную принародную оценку, Док к тому же заметил, что Крендель и Хоакин переглядываются с мыслью: «Бля, чувак, ну вот как это ему удастся».

– Возможно, придется покинуть вас в спешке, *mes chéries*²², – пророкотал Крендель, погрузив одну руку в афро Мотеллы и впутавшись в поцелуй определенной длительности.

– Ничего личного, – добавил Хоакин, – кое-какая срочная командировка, – охватывая Лурд, вероятно, еще более страстным объятьем, прерванным хорошо известной басовой партией от группы, запрятанной в рожицу комнатных пальм.

– Отлично! – Мотелла, хватая Кренделя за галстук, несший на себе цветистый пейзаж тихоокеанской лагуны психоделических оттенков. – Ложись!

За две секунды Хоакин исчез под столом.

– Это что? – Лурд, не теряя головы.

– Какая-то психологическая срань из ‘Нама, – Крендель, уваливая танцем, – стоит кому-нибудь сказать, он выполняет.

– Нормалек, толпа, – прорезался Хоакин, который всю войну старался денег заработать, а ЗВ²³ не признал бы, если б она даже подбежала и стала шмалять ему в жопу ракетами, – мне тут ништяк – ты же не против, правда, *mi amor*?²⁴

– Наверно, мнится мне, будто на свиданке с кем-нибудь очень низеньким? – а руки сложены и ослепительная улыбка, которая с одной стороны, может, чуть выше, чем с другой.

К Доку подошла миниатюрная, идеально сложенная «росинка»-азиатка в клубном наряде – при ближайшем рассмотрении она вроде бы смахивала на Нефрит.

– Тут пара господ, – пробормотала она, – которым так хочется увидаться с этими мальчонками, что вплоть до раздачи двадцаток направо и налево?

Хоакин высунул голову из-под скатерти:

– Где они? Ткнем пальцем еще в кого-нибудь, а на двадцатку подыдемся.

– На сорок, – поправила Лурд.

– План бы сгодился, – сказала Мотелла, возвращаясь с Кренделем, – но только тут все вас знают, да и, вообще-то, обсуждаемая публика уже на подходе.

– Ой, блядь, это Блонди-сан, – сказал Крендель. – Тебе не кажется, что кипятком ссыт? По-моему, ссыт.

– Не, – ответил Хоакин, – он-то ничем не ссыт, а вот насчет его напарника я что-то не очень уверен.

Блонди-сан носил светлый тупей, который в Южной Пасе не обманул бы ничью *абюз-литу*²⁵, и черный деловой костюм смутно бандитского покрова... Весь взвинченный, колючеглазый, он одну от одной курил дешевые японские сигареты, и за ним влекся рында-якудза по имени Ивао, духовная чистота чьего дана давно скомпрометировалась склонностью к неспровоцированной раздаче тумачков; глаза его скользили туда-сюда, а лицо морщилось в потугах мысли – он пытался расчислить, кто тут станет его первоочередной мишенью.

Док терпеть не мог видеть настолько запутанных личностей. Кроме того, чем глубже Крендель с Хоакином влезали в дискуссию с Блонди-саном, тем меньше внимания обращали на Лурд и Мотеллу, а дамы от такого пропорционально сходили с ума и становились более подвержены тем грандиозным эмоциональным бедствиям, к коим обе имели вкус. Ничего хорошего никому сим не предвещалось.

²² Мои милые (*фр.*).

²³ Зона высадки.

²⁴ Любовь моя (*исп.*).

²⁵ Бабулю (*искаж. исп.*).

Где-то тут опять случилась Нефрит.

– Так и думал, что это ты, – сказал Док, – хотя мы с тобой не вполне плескались во взглядах. Получил в конторе твою записку, но чего ты так сбежала-то? могли б потусить, знаешь, покурить дряни...

– Типа с теми уродами в «барракуде», что сидели у нас на хвосте от самого Холливуда? Это кто угодно мог быть, а нам не хотелось бед на твою задницу, чувак, тебе их и так хватает, вот мы и сделали вид, что нам В₁₂ уколиться надо, а оттого, наверное, чутка пришпорились, поэтому, когда тебя увидели, подсели на измену и свинтили?

– Ты тут себе «сингапурских слингов» не мути, – посоветовала Мотелла, – такого говна вот не надо.

– Это моя старая школьная подружка, мы выпускной вспоминаем, геометрию, расслабься, Мотелла.

– И где эта школа у вас была, в Техачапи?

– Уууу, – завела Лурд. Девчонки уже дергались, и крепкие напитки не улучшали им настроения.

– Снаружи поговорим, – шепнула Нефрит, откаблучивая прочь.

Почти полное отсутствие освещения на парковке могло оказаться намеренным – предполагать ориентальную интригу и романтику, хотя стоянка выглядела и как место преступления, поджидающее следующего злодея. Док заметил «файерфлайт» 56-го года с тряпичной крышей, – казалось, он тяжело дышит, словно гнал всю дорогу досюда, собирая розовые квитки, а теперь пытается прикинуть, как бы ему незаметненько чпокнуть капотом да поглядеть, как там полусфера поживает, – и тут появилась Нефрит.

– Я тут долго не могу. Мы на поляне Золотого Клыка, а девушке не надо без нужды сложностей с этой публикой.

– Это тот же Золотой Клык, о котором ты в записке предупреждала? Что это – банда какая-то?

– Если б. – Она замкнула уста на молнию.

– Ты не расскажешь мне после всех этих «берегись» и прочего?

– Нет. Вообще-то, я просто очень извиниться хотела. Мне так срано из-за того, что я наделала...

– А это... что, еще раз?

– Я не стукачка! – воскликнула она, – легавые нам сказали, что снимут обвинения, если мы тебя просто на место преступления затащим, а они ж уже знали про тебя, поэтому что тут такого, и я, должно быть, запаниковала, и вот честно, Лэрри, ты очень типа *прости меня*?

– Зови меня «Док», все четко, Нефрит, им пришлось меня выпустить, теперь они мне просто хвоста везде привесили, вот и все. На. – Он нарыл пачку покурки, выстукал одну о ладонь, протянул ей, она взяла торчащую, прикурили.

– Тот мусор, – сказала она.

– Должно быть, ты про Лягаша.

– Этот, такой гнутый кусок пластика.

– Он к вам в салон, случайно, не заходил?

– Заглядывал время от времени, не по-легавому, не ждал халявы или как-то – если этого парня и намасливали, скорее частным порядком, с мистером Волкманном.

– А – не принимай на свой счет, но – не сам ли это Лягаш посадил меня на экспресс «Буэнас Ночес»²⁶ либо заказал кому-нибудь?

Она пожала плечами:

²⁶ Спокойной ночи (*искаж. исп.*).

– Все это пропустила. Мы с Бэмби так офигели, когда ворвалась эта бригада громил с топотом, что и тормозить там не стали?

– А что насчет этих тюремных нациков, что спину Мики прикрывать вроде бы должны?

– То они тут повсюду, то их нет. Очень жалко. Некоторое время мы были их гарнизонной лавкой – уже даже различать их могли и все такое.

– И все исчезли? Это до или после того, как веселуха началась?

– До. Как облава, когда народ знает, что́ будет? Все вымелись, кроме Глена, он один... – она умолкла, словно бы стараясь припомнить слово, – остался. – Она выронила сигарету на асфальт и растерла окурочок острым носком туфельки. – Слушай – с тобой тут кое-кто хочет поговорить.

– В смысле, мне надо быстро отсюда сваливать.

– Нет, он считает, вы сможете друг другу помочь. Новенький тут, я даже толком не знаю, как зовут, но у него наверняка неприятности. – Она зашагала обратно ко входу.

Из береговых туманов, как известно окутывающих саваном этот кусок портового района, теперь явилась еще одна фигура. На Дока никогда не бывало особенно легко нагнать жуть, но он все равно пожалел, что задержался. Личность он опознал по тому «полароиду», что ему дала Надя. Шланг Харлинджен, свежачком из потустороннего мира, где смерть со всей прочей своей побочкой напрочь уничтожила всю стильность, коей тенор-саксофонист мог располагать, когда передознулся, и в результате он теперь ходил в малярном комбезе, розовой рубашке на пуговицах из пятидесятых с узким вязаным черным галстучком и древних остроносых ковбойских сапогах.

– Здоров, Шланг.

– Я бы к тебе и в контору зашел, чувак, да подумал, там могут быть вражеские глазницы. – Доку занудилась слуховая трубка или что-то, ибо – со всеми гудками и склянками из порта – Шланг имел склонность впадать в почти неразличимое торчковое бормотание.

– А тут тебе ничего не грозит? – спросил Док.

– Давай-ка запалим и сделаем вид, будто вышли покурить.

Азиатская индика, густо ароматическая. Док приготовился к тому, что его тут же сшибет на жопу, но нет – он вдруг обрел периметр ясности, а оставаться в нем было не так и трудно. Уголек на кончике смазывало туманом, и цвет его менялся все время от оранжевого к ярко-розовому.

– Предполагается, что я мертвый, – сказал Шланг.

– Еще ходит слух, что ты не он.

– Не очень прекрасная новость. Быть мертвым входит в мой рабочий образ. Вроде как я это делаю.

– Ты на этих, в клубе, работаешь?

– Не знаю. Может быть. Сюда за получкой прихожу.

– А живешь где?

– Дом в каньоне Топанга. Банды, в которой я раньше играл, «Досок». Только никто из них не знает, что это я.

– Как они могут не знать, что это ты?

– Они и при жизни-то не знали, что это я. «Саксофонист» главным образом – сессионный чувак. Кроме того, за годы состав уже столько раз сменился, из тех «Досок», с которыми я начинал, все по большей части разбежались и собрали свои банды. Осталась лишь парочка из старой команды, а они страдают или, я хотел сказать, благословлены Памятью Торчка.

– Люди говорят, тебе поплохело от стремного герыча. Еще сидишь?

– Нет. Господи. Нет, я теперь чистый. Я побыл в том месте возле... – Долгая пауза и неподвижный взгляд, пока Шланг про себя рассуждал, не сболтнул ли он и так уже слишком

много, а также прикидывал, что еще Док может знать. – Вообще-то, я был бы признателен, если б...

– Нормально, – сказал Док, – мне тебя не очень хорошо слышно, а как я могу говорить о том, чего не слышу?

– Ну да. Я с тобой вот про что хотел. – Доку показалось, он уловил в голосе Шланга нотку... не совсем обвинительную, но все равно она заметала Дока в один совок с какой-то несправедливостью побольше.

Док взгляделся в прерывисто отчетливое лицо Шланга, капли тумана, собравшиеся у того в бороде, сверкали под огнями «Клуба Азьятик», миллион отдельных крошечных нимбов, излучавших все краски спектра, и понял, что вне зависимости от того, кто кому тут поможет, Шланг наверняка потребует легкого касания.

– Прости, чувак. Что я могу для тебя сделать?

– Ничего тяжелого. Просто подумал, не мог бы ты проверить парочку человек. Даму и девочку. Убедиться, что с ними все в норме. Вот и все. И чтоб меня туда не впутывать.

– Где живут?

– Торранс? – Он отдал клочок бумаги с адресом Нади и Аметист.

– Мне туда доехать легко, может, и не придется с тебя за пробег брать.

– Не надо туда заходить, с кем-то разговаривать, просто посмотри, там ли они до сих пор живут, что перед домом, кто входит-выходит, нет ли органов поблизости, все, что сочтешь интересным.

– Займусь.

– Я не смогу тебе прямо сейчас заплатить.

– Когда сможешь. Когда угодно. Вот только разве, если ты из тех, кто считает, будто информация – деньги... в таком случае не мог бы я просто попросить...

– Имея в виду, что либо я не знаю, либо, если я тебе скажу, меня возьмут за жопу, ладно – что такое, чувак?

– Слышал когда-нибудь про Золотой Клык?

– Конечно. – Замялся, что ли? Долго – это сколько? – Это судно.

– Уж-жастно ин-нерестно, – скорее пропел, нежели проговорил Док, как это делают калифорнийцы, дабы показать, что это не интересно вообще. С каких это пор мы бережемся судов?

– Серьезно. Крупная шхуна, по-моему, кто-то говорил. Ввозит всякое в страну и вывозит, но никто не хочет говорить, что именно. Тот японский блондин сегодня с бугаем-прихлебателем, он еще с твоими друзьями беседовал? Вот он знает.

– Потому что?

Вместо ответа Шланг мрачно кивнул Доку за спину, через всю парковку, вниз по улице к главному фарватеру и Внешнему Рейду за ним. Док повернулся, и ему показалось – там движется что-то белое. Но с накатывающим туманом все было обманчиво. Когда он выскочил на улицу, смотреть уже было не на что.

– Оно и было, – сказал Шланг.

– Откуда известно?

– Видел, как заходит в порт. Где-то в то же время, что и я сюда пришел.

– Даже не знаю, что я видел.

– Я тоже. Вообще-то, даже не хочу знать.

Возвратившись внутрь, Док обнаружил, что свет, очевидно, сместился скорее в ультрафиолетовый режим: попугаи у него на рубашке зашевелились и захлопали крыльями, принялись вякать и, возможно, разговаривать, хотя это могло быть и от дыма. Лурд и Мотелла тем временем вели себя действительно очень непослушно, предпочтя чем-то вроде парной команды напасть на парочку местных марух, для чего официанты и официантки, держась в полувидимости, переместили пару столов, дабы расчистить место, а клиенты собрались вокруг

подбадривать. Рвалась одежда, дыбились прически, обнажалась кожа, запутывалось и распутывалось множество захватов с сексуальными подтекстами – обычные соблазны женской борьбы. Крендель и Хоакин по-прежнему увлеченно беседовали с Блонди-саном. Рында Ивао деловито наблюдал за девушками. Док втиснулся в поле слуха поближе.

– Только что посовещался со своими партнерами через спутник, – говорил Блонди-сан, – и наилучшее предложение – три за единицу.

– Может, я лучше пойду на сверхсрочную, – пробормотал Хоакин. – Наградными больше заработаю, чем с этого.

– Он просто расстроился, – сказал Крендель. – Берем.

– Это ты берешь, *ése*, я брать ничего не собираюсь.

– Не стоит вам напоминать, – произнес Блонди-сан, зловеще забавляясь, – что это Золотой Клык.

– Нам лучше не переходить дорожку никакому Золотому Клыку, – согласился Крендель.

– ¡*Saaa-rajo!*²⁷ – Хоакин неистово, вдруг сообразив, – это чё девки там *деют* такое?

²⁷ Зд.: хуяссе! (исп.)

7

Док позвонил Сончо на следующее утро и спросил, слышал ли тот когда-нибудь о судне с названием «Золотой Клык».

Сончо как-то странно ушел от ответа.

– Пока не забыл – в последней серии это кольцо с брильянтом на Рыжей было?

– Ты уверен, что типа не...

– Эй, да у меня был безмазняк, я просто не разглядел. А эти влюбленные взгляды на Шкипера? Я даже не знал, что они ходят вместе.

– Пропустил, наверно, – сказал Док.

– Я то есть всегда прикидывал почему-то, что она с Гиллиганом окажется.

– Не-не – с Тёрстоном Хауэллом 3-м.

– Да лана. Он никогда не разведется с Душечкой.

Пульсом застучало стыдное молчание – оба сообразили, что все это можно истолковать как кодовые обозначения для Шасты Фей и Мики Волкманны, а также, что совсем невероятно, и для самого Дока.

– Я чего про это судно спрашивал, – наконец произнес Док, – штука в том, что...

– Ладно, а давай-ка, – Сончо как-то резковат, – знаешь яхтовую гавань в Сан-Педро? Там местный рыбный ресторанчик есть, «Кофельнагель» называется, давай-ка в нем пообедаем. Я тебе расскажу, что сумею.

По запаху, шибанувшему внутри, Док не стал бы располагать «Кофельнагель» среди рыбных забегаловок, в которых пекутся о здоровье. А вот клиентуру расколоть оказалось не так легко.

– Тут не вполне новые деньги, – предположил Сончо, – скорее новые долги. Все, что у них есть, включая их яхты, они покупали по кредиткам заведений в какой-нибудь Южной Дакоте, такие можно получить, даже списав адрес со спичечной этикетки. – Они пробрались между яхтовладельческой пластикратией, сидевшей за столиками из пропитанных «Варатаном» люковых крышек, к кабинке у окна в глубине, выходявшего на воду. – Сюда мне нравится водить очень особенных клиентов, а кроме того, я подумал, тебе вид понравится.

Док выглянул в окно.

– То, что я думаю?

У Сончо на шее болтался антикварный полевой бинокль со Второй мировой. Поверенный его снял и передал Доку:

– Знакомся – шхуна «Золотой Клык» из Шарлотты-Амалии.

– Это где?

– Виргинские острова.

– Бермудский треугольник?

– Недалеко.

– Солидное суденышко.

Док обозрел элегантно зализанные, однако отчего-то – вы б назвали такие: *бесчеловечные* – обводы «Золотого Клыка»: все в этом судне блистало немножко слишком уж целеустремленно, антенн и обтекателей РЛС²⁸ больше, чем пригодится какому угодно кораблю, нигде ни единого флага национальной принадлежности, настил открытых палуб из тика, а то и красного дерева, маловероятно, что предназначен для расслабона без удочки или банки пива.

– У него склонность заявляться без предупреждения среди ночи, – сказал Сончо, – без ходовых огней, без радиопереговоров. – Местные мудрецы, предполагая, что заходы эти свя-

²⁸ Радиолокационная станция.

заны с наркотиками, могут в надежде помаячить день-другой, но вскоре рассасываются, бормоча что-то про «устрашение». Кем – никогда не проясняется. Начальник порта бегал весь взвинченный, словно его вынудили отказаться от всех обычных стояночных сборов, и стоило приемнику у него в кабинете ожить, видели, как он неистово подпрыгивает.

– Так какой мафиозной шишке оно принадлежит? – не видел большого вреда спросить Док.

– Вообще-то, мы думали нанять тебя, чтоб выяснить.

– Меня?

– Мысль посещала.

– Я думал, ребята, вы все тут в курсе, Сонч.

Много лет Сончо пристально слеживал за яхтенной общиной Южной Калифорнии, кто вольется, кто выльется, поначалу ощущая неизбежную классовую ненависть, которую такие суда, невзирая на всю их красоту под парусом, вызывали у средних достатков, однако со временем стал все больше погружаться в фантазии о том, как выйдет с кем-нибудь, может и с Доком, на яхте, по крайней мере – яхточке, без каюты, класса «Бекас» или «Лидо».

Как выяснилось, его фирма – «Харди, Гридли и Четфилд» – остро, почти отчаянно интересовалась «Золотым Клыком» уже некоторое время. Страховая история этого судна была упражнением в мистификации – сбитым с толку ярыжкам и даже партнерам приходилось отправляться прямиком к комментаторам девятнадцатого века вроде Томаса Арнулда и Теофилуса Парсонза, обычно – с воплями. Щупальца греха и желанья и та странная опутывающая весь мир карма, что сущностно важны для морского права, ползком проникли во все области тихоокеанской парусной культуры, и обычно понадобилась бы незначительная доля недельных представительских бюджетов фирмы, размещенная в горсти тщательно отобранных местных портовых баров, дабы выяснить что душеньке угодно – из еженощного трепа, баек про Таити, Муреа, Бора-Бора, упомянутых вскользь имен мошенников-старпомов и легендарных судов, из того, что случилось на борту или могло бы случиться, и какие призраки по-прежнему населяют кубрики, и какая старая карма лежит неотмщенная, ждет своего часа.

– Я Хлоринда, что будете, – официантка в помеси джавахарлалки и рубашки с хавайским рисунком, длинной ровно настолько, чтобы квалифицироваться как мини-платье, и такими вибрациями, что огню не обостряли никому аппетит.

– Обычно я беру «Адмиральский Луау», – Сончо застенчивее, нежели Док рассчитывал, – но сегодня, наверное, для начала возьму фирменный рулет с анчоусами и, эм, филе манты, можно мне его зажарить во фритюре в пивном кляре?

– Желудок – твой. А тебе чего, дружок?

– Ммм! – Док, озирая меню. – Столько *доброго хавчика!* – Меж тем как Сончо пнул его под столом.

– Если б мой муж посмел хоть *что-нибудь* из этой срани сожрать, я б его под жопу выпнула, а следом в окно вышвырнула все его пластинки «Железной бабочки».

– Вопрос с подковыркой, – поспешно сказал Док. – Я, э, крокеты с медузным терияки, наверное? и «Трубадугря»?

– А пить, господа. Вам хорошенько набратся и ебнуть себе по мозгам перед тем, как *вот это* подадут. Я бы рекомендовала «Текилы Зомби», они довольно быстро действуют. – Она хмуро затопала прочь.

Сончо пялился на шхуну.

– Видишь ли, проблема с этим судном в том, чтобы выяснить *хоть что-то*. Люди сдают назад, меняют тему, даже, я не знаю, жуть нагоняют – валят в туалет и больше не возвращаются. – И опять Доку подумалось, что в лице Сончо он заметил странную тень желанья. – На самом деле называется она не «Золотой Клык».

Нет, первоначально шхуна звалась «Сбереженный» – после ее чудесного спасения в 1917-м от громадного взрыва нитроглицерина в порту Халифакса, что стер в гавани почти все остальное, как плавсредства, так и плавсостав. «Сбереженный» был канадской рыболовной шхуной, и позднее, в 1920-х и 1930-х, она к тому же заработала репутацию гоночной – регулярно состязалась с другими судами своего класса, включая по крайней мере дважды, легендарный «Синий нос». Вскоре после Второй мировой, поскольку рыболовецкие шхуны уступали место дизельным судам, ее приобрел Бёрк Стоджер – кинозвезда тех времен, которого вскоре внесли в черные списки за политические взгляды, и ему пришлось забрать свое судно и бежать из страны.

– Вот тут сюда и впутывается Бермудский треугольник, – излагал Сончо. – Где-то между Сан-Педро и Папэте судно исчезает, поначалу все думают, что его потопил Седьмой флот по непосредственным приказам Правительства США. Республиканцы у власти, естественно, всё отрицают, паранойя только растет, пока однажды пару лет спустя шхуна вместе со своим владельцем внезапно не объявляются вновь: «Сбереженный» – в океане напротив, у берегов Кубы, а Бёрк Стоджер – на первой странице «Варьете», и в статье сообщается о его возвращении на экраны в высокобюджетном проекте крупной студии под названием «Коммуняки, секретно». Шхуна же тем временем, внезапно, словно оккультными силами, перенесенная на другую сторону планеты, переоборудуется от киля до клотика, включая изъятие всех следов души, в то, что ты сейчас вон там видишь. Владельцами зарегистрирован консорциум на Багамах, и ее перекрещивают в «Золотой Клык». Вот и все, что у нас пока есть. Я-то знаю, почему меня это интересует, а вот ты с чего?

– Как-то вечером историю рассказали. Может, что-то с контрабандой?

– И так можно сказать. – Обычно легкомысленный поверенный сегодня казался чутка пришибленным. – А можно иначе: лучше б ей разорваться на куски в Халифаксе пятьдесят лет назад, чем оказаться в нынешнем положении.

– Сончо, сделай не такое зловещее лицо, чувак, ты мне аппетит испортишь.

– Как поверенный клиенту, эта твоя история – в ней, случайно, Мики Волкманн не участвовал?

– Пока нет, а что?

– Если верить сплетням, незадолго до исчезновения всеми любимого застройщика видели, как он поднимается на борт «Золотого Клыка». Предпринял небольшую экскурсию в открытое море и обратно. Вроде той, какие Шкипер называет «трехчасовыми турне».

– И погоди-ка – могу поспорить, его сопровождала такая симпатичная спутница...

– Я думал, ты разобрался с этой прискорбной сранью, вот, давай-ка я тебе ерша закажу или что-нибудь под этого «Зомби», тогда можешь свою хреномотину заново начинать.

– Просто спросил... Так все вернулись нормально, за борт никого не столкнули, ничего такого?

– Ну, тут странное дело, мой источник в федеральном суде уверяет, что и впрямь видел, как что-то переваливается через планширь. Может, и не человек, ему скорее показалось – утяжеленные контейнеры, может, то, что мы зовем «затопленным грузом, предназначенным к спасению», – это барахло, которое намеренно топишь, чтобы потом вернуться и вытащить.

– Они что, буюм поместили это место или чем-то?

– В наши дни все электронное, Док, снимаешь долготу и широту точки затопления, а когда потом хочешь подойти к ней точнее, запускаешь сонар.

– Похоже, ты сам собрался сплавать и поглядеть.

– Скорее гражданским на борту увязаться. Люди в суде, которые знают, что я... – Он попробовал подобрать слово.

– Заинтересован.

– Это любезно сказано. Только не говори «одержим».

Словно он про цыпу так, подумал Док, надеясь, что губы у него не движутся.

Как повелось в эти дни, Фриц заседал в компьютерной комнате, пялился на данные. Вид у него был «спроси-не-насрать-ли-мне» – такие лица Док раньше замечал у новичков в мире аддиктивного поведения.

– Люди бают, твоя подружка свинтила из страны, прости, что новость от меня.

Док сам удивился силе ректогенитального толчка, пробежавшего у него по всему телу.

– И куда отправилась?

– Неизвестно. Она была на борту того, что федералы называют судном оперативного интереса – для них, а может, и для тебя.

– Ой-ёй. – Док посмотрел на распечатку и увидел название «Золотой Клык». – И ты это раздобыл у какого-то компьютера, который подцеплен к твоей сети?

– Вот это конкретно – из Гуверовской библиотеки в Стэнфорде – чья-то подборка противоподрывных досье. Вот, я все распечатал.

Док вышел в приемную и нацедил себе из титана чашку кофе, а бухгалтер Милтон, который в последнее время был труден в общении, тут же сцепился с Фрицем насчет того, отнести кофе Дока к представительским и командировочным – или же к накладным расходам компании. Секретарша Глэдис сделала погромче конторское стерео, которое в тот миг по случаю играло «Голубой привет», – либо заглушить перепалку, либо мягко предложить всем сбавить тон. Фриц и Милтон принялись орать на Глэдис, та вопила в ответ. Док запалил себе косяк и взялся за чтение досье, собранного частной разведывательной организацией, известной под именем «Совет американской безопасности», со штаб-квартирой в Чикаго, по словам Фрица, и действующей примерно с 55-го года.

Там содержалась краткая история шхуны «Сбереженный», обостренно интересовавшей противоподрывное сообщество своими мореходными качествами. Вновь всплыв в Карибском море, к примеру, судно занималось какой-то разведдеятельностью против Фиделя Кастро, который к тому времени уже орудовал в горах Кубы. Позже, уже под именем «Золотой Клык», шхуна оказалась полезна для антикоммунистических проектов в Гватемале, Западной Африке, Индонезии и других местах, чьи названия были вымараны. Часто она брала на борт похищенных «смутьянов», которых больше не видели. Постоянно возникала фраза «углубленный допрос». Судно перевозило героин ЦРУ из Золотого Треугольника. Перехватывало радиопереговоры у вражеских берегов и пересылало их агентствам в Вашингтоне, округ Колумбия. Доставляло оружие партизанам-антикоммунистам – включая тех, что высадились в злополучном Заливе Свиной. Хронология в этом досье доходила до настоящего времени и упоминала даже необъяснимую поездку Мики Волкманна перед самым его исчезновением, равно как и отход шхуны на прошлой неделе из Сан-Педро с известной спутницей Волкманна Шастой Фей Хепчест на борту.

Мики – как известно, щедрый спонсор Рейгана – мог активно участвовать в некоем антикоммунистическом крестовом походе, и это как раз было не удивительно. Но насколько глубоко сюда впуталась Шаста? Кто устроил ее выезд из страны на борту «Золотого Клыка»? Мики? кто-то еще так расплачивался за ее услуги в похищении Мики? Во что она влезла настолько по-тяжелой, что единственный выход тут – помочь подставить человека, в которого вроде бы влюблена? Облом, чувак. Обл. Ом.

Это предположим, что она хотела выбраться. А может, на самом деле стремилась *не* выбраться, из чего бы ни было, а Мики ей мешал, или, может, Шаста встречалась на стороне с Рангоутом, молодым человеком Слоун, а та, может, обнаружила это и пыталась отомстить, повесив на Шасту убийство Мики, а то и Мики, может, взревновал к Рангоуту и попробовал его замочить, только план его дал осечку, и тот, кому заказали работу, явился и случайно прикон-

чил Мики или, может, намеренно, потому что *пока-неизвестный мясник на самом деле хотел сбежать со Слоун...*

– Гаххх!

– Недурственная пакость, а, – Фриц, возвращая тлеющий косяк в защепке, только и осталось от того, что они курили.

– Определи «недурственная», – пробормотал Док. – Я тут типа додумался уже до заморозки мозга.

Фриц протяженно захмыкал.

– Ну, частным сыскарям и близко бы к наркоте не подходить, от всех этих альтернативных вселенных только работа усложняется.

– А с Шерлоком Хоумзом как, он на кокаине все время сидел, чувак, ему помогало дела распутывать.

– Ага, только он... не настоящий был?

– Что. Шерлок Хоумз был...

– Это придуманный персонаж из пачки рассказов, Док.

– О ч... Нее. Нет, он реальный. Живет в том настоящем доме в Лондоне. Ну, может, больше не живет, давно это было, теперь-то то уже наверняка помер.

– Ладно тебе, пошли лучше в «Зуки», не знаю, как ты, а меня вдруг «пробило на кнедлики», как сказали бы Чич и Чонг?

Войдя в легендарную закусочную в Санта-Монике, они попали под красноглазый осмотр толпы ебанатов всех возрастов, которые, похоже, ожидали кого-то другого. Немного погодя объявилась Магда с обычным зукибургером и картошкой, а также говяжьим рулетом на ржаном хлебе, картофельным салатом и «Сель-Реями» «Д-ра Брауна» плюс еще одной плоской пикулей и кислой капусты, и выглядела она при этом загнаннее обычного.

– А тут у вас людно, – заметил Док.

Она закатила глаза, обводя помещение взглядом.

– Поклоннички «Доктора Маркуса Уэлби». Вы когда-нибудь замечали, что вывеска «Зуки» на полсекунды возникает в начальных титрах? Моргнете – и пропустите, но вот этой публике такого уже с избытком – они приходят сюда и спрашивают, типа не мотоцикл ли это доктора Стива Кайли перед входом стоит и где больница, а еще, – голос у нее зазвенел, когда она отходила от стола, – их сбивает с панталыку, если они не могут найти в едрическом меню «Читоз» или «Твинкиз»!

– Хотя не «Мод-взвод»-ные, – проворчал Док.

– Что, – Фриц невинно. – Моя любимая передача.

– Больше похоже на про-легавый контроль сознания. Стучите на друзей, детки, Капитан даст вам сосачку.

– Слушай, я сам из Темекулы, а это Края Чокнутого Кота – там всегда болееешь за Игнаца, а не за Инспекту Щена.

Какое-то время они занимались набивкой ртов, забывая, заказывали что-то еще или нет, снова вызывали Магду, потом забывали зачем.

– Потому что частные сыскари обречены, – Док, продолжая прежнюю мысль, – это много лет уже заметно, в кино, по телику. Раньше вот были все эти великие сыщики – Филип Марлоу, Сэм Спейд, штемп штемпованный Джонни Стаккато, всегда умнее и профессиональнее легавых, вечно это они раскрывают преступление, а мусора ходят не по тому следу и путаются под ногами.

– Являются в конце браслеты защелкнуть.

– Ну а сегодня только легавых везде и видно, ящик переполнен блядскими полицейскими передачами, они просто обычные парни, стараются лишь свою работу делать, публика, грозят чьей-нибудь свободе не больше папаши в комедии. Ну да. Зрительская аудитория так счастлива

от легавых, что буквально просится на нары. Прощай, Джонни Стаккато, добро пожаловать, Стив Макгэрретт, и не забудь при этом вышибить мне дверь, пожалуйста. А тем временем тут, в реальном мире, почти всем нам, частным топтунам, даже на квартиру не хватает.

– Так чего не уйдешь из бизнеса? Поселился бы на лодке в дельте Сакраменто – кури, пей, рыбачь, ебись, знаешь, чем там еще старье занимается.

– Не забудь еще ссаться и ныть.

Рассвет на подходе, бары только закрылись или закрывались, перед «Уэволнами» все либо сидели за столиками на тротуаре и дрыгли головами на «Здоровых Вафлях» или в мисках с вегетарианским чили, либо тошнило на проезжей части, отчего поток мелких мотоциклов шел юзом по блевотине и прочему. В Гордите стоял конец зимы, хотя погоды были далеко не обычны. Народ роптал в том смысле, что прошлым летом на пляжах лета не было до августа, а теперь вот, похоже, зимы не будет до весны. Санта-аны выдували весь смог из центра Л.-А. – в воронку между Холливудскими холмами и Пуэнте, на запад через Гордита-Пляж и в море, и так продолжалось вроде уже не первую неделю. Береговые ветра так сильны, что прибою не на руку, но сёрферы все равно, как ни странно, вставали ни свет ни заря поглядеть на эту рассветную дичь – она выглядела зримым аналогом тому, что каждый чувствовал шкурой: пустынные ветра, жара, неумолимость, да еще и выхлоп миллионов автотранспортных средств мешался с микроскопическим мохавским песком и преломлял свет к кровавому концу спектра, все было тускло, зловеще и библейски, словно небеса предупреждали: моряк, берегись. Акцизные марки штата на пробках бутылок текилы в лавках отклеивались, вот как сух был воздух. Теперь виннолаводчики могли заливать в эти бутылки что угодно. В аэропорту реактивные самолеты взлетали не в ту сторону, вой двигателей не раскатывался по небу, где полагается, поэтому сны у всех вставали дыбом, если люди вообще могли уснуть. В небольшие многоквартирные комплексы ветер, сужаясь до свиста, проникал через лестничные колодцы, по пандусам и мосткам, а пальмовая листва снаружи трещала с влажным хлопом, поэтому внутри, в затемненных комнатах, в свете жалюзи казалось, что хлещет ливень, ветер ярился в бетонной геометрии, пальмы бились друг о дружку тропическим потоком, так и тянет распахнуть дверь и выглянуть, а там, само собой, та же самая жаркая безоблачная глубь дня, ни дождики, куда ни глянь.

Последние недели Св. Сбрэнд из Лондейла, для коего Иисус Христос был не только личным спасителем, но и консультантом по сёрфингу, и чья доска была старой школы, чуть меньше десяти футов, из красного дерева с перламутровым инкрустированным крестом сверху и двумя неистово розовыми пластмассовыми плавниками снизу, катался на приятеле с моторкой из стекловолокна далеко Наружу, где прибой, клялся он, такой, что узловатее наката и не бывает, волны больше, чем в Уаймие, больше, чем на Бродяге дальше по берегу к бухте Полумесяца или на Тодос-Сантос в Бахе. Стюардии транстихоокеанских рейсов, заходящих на посадку в «ЛАКС», сообщали, что видели его внизу – он седлал волны там, где никаких волн быть не должно, фигурка в мешковатых белых плавках, белей того, как, вообще-то, они выглядели бы на преобладающем свете... По вечерам, с закатом за спиной он вновь восходил к мирскому оттягу раздолбайского Гордита-Пляжа, брал себе пиво и безмолвно тусовался, лишь улыбаясь людям, если без этого никак, ждал возвращения первого света.

А в его домовухе на берегу висела бархатная картина – Иисус, правая нога оттяжно впереди, на грубо сработанной доске с балансирами, призванной обозначать распятие, на волнах прибою, который редко увидишь на Галилейском море, хотя это едва ли бросало вызов вере Сбрэнда. Что еще может означать «хождение по водам», как не сёрфинг на библейском жаргоне? Однажды в Австралии местный сёрфер с крупнейшей банкой пива в руке, Сбрэнд таких раньше и не видал, даже продал ему обломок Истинной Доски.

Как обычно у ранних посетителей «Уэволн», мнения касаются того, где именно, если где-то, ловит волну Святой, расходились. Кто-то стоял за причуды географии – не обозначенную

в лоции подводную гору или внешний риф, – кто-то – за чудное погодное явление из тех, что раз в жизни, а то и типа извержение вулкана или приливную волну где-то далеко, на севере Тихого, чьи накаты, достигнув со временем Святого, приобрели бы удобную узловатость.

Док, тоже поднявшись спозаранку, сидел,пил «уэволновый» кофе, в который, ходили слухи, подмешивали перемолотый белый-два-креста, и слушал все более беспорядочный базар, главным образом – наблюдал за Святым, дожидавшимся своего утреннего извозчика к прибору. В прошлом Док знал сёрфера-другого, что открывали и оседлывали иные прибои, вдали от берега, на которые ни у кого другого не водилось оборудования под ногой либо в душе, – всякий рассвет они отправлялись туда одни, часто – по многу лет, тенями, наброшенными на воду, и там скользили, несфотанные и незафиксированные, минут по пять кряду, а то и дольше сквозь кипящие тоннели солнечной синезелени – истинного и нестерпимого цвета дня. Док замечал: немного погодя эта публика оказывалась уже не вполне там, где ее рассчитывали обнаружить друзья. Давние кредиты в пивбарах под пальмовыми листьями приходилось прощать, прибрежные милашки оставались угрюмо пялиться на горизонты и в конечном итоге сходиться с гражданскими из-за бермы, страховыми оценщиками, вице-директорами, охранниками и тому подобным, несмотря даже на то, что плата за брошенные квадраты сёрферов по-прежнему откуда-то поступала и в окнах все время возникали таинственные огни, много позже того, как на ночь закрывались притоны, а люди, полагавшие, что на самом деле видели этих отсутствующих сёрферов, впоследствии признавали, что им, наверное, все-таки взглянулось.

Док прикидывал, что Святой – как раз из таких вот ушедших вперед духов. Догадка его заключалась в том, что Сбрэнд седлал эти шизанутые волны, которые отыскивал, не столько из безумия или тяги к мученичеству, сколько в поистине каменном безразличье, в глубоком фокусе религиозного экстаза, как тот, в кого ткнул пальцем Господь: мол, тебя смоем во искупление всех нас. И что настанет день, когда Сбрэнд, подобно прочим, окажется где-то еще, пропав даже из ЗВИСТА, Земного Вентера Идеального Сёрферского Трепа, и те же люди, что и сейчас, будут сидеть в «Уэволнах» и спорить, где он может быть.

Немного погодя явился приятель Сбрэнда с моторкой, и под антимоторочный ропот парочка отвалила вниз по склону.

– Ну, совсем спятил, – подытожил Флако-Гад.

– Мне кажется, они просто выходят в море, пьют пиво там, спят, а когда стемнеет – возвращаются, – высказался Зигзаг Дуон, который в прошлом году перешел на доску покороче и волны помилостивее.

Энсенадский Дылда рассудительно покачал головой:

– Про тот прибор слишком много историй ходит. То он есть, то его нет. Словно его что-то под низом охраняет. Сёрферы в старину его называли Комингсом Смерти. Там тебя не просто смывает – тебя хватает, чаще – сзади, в аккурат когда плывешь к тихой, как ты думаешь, воде или считаешь какую-нибудь очевидно смертельную срань совершенно неправильно, – и затягивает так глубоко, что нипочем не успеешь выплыть воздуху глотнуть, и как только тобой начинают закусывать навсегда, ты слышишь, как по небу эхом раскатывается *космический безумный хохот «Сёрфареи»*.

Все в «Уэволнах», включая Святого, более-менее в унисон завохотали:

– Уу-ху-ху-ху-ху-ху – Смыло! – а Зигзаг и Флако заспорили о двух разных сорокапятках «Смыло» и у какой фирмы, «Точки» или «Декки», хохот наличествует, а у какой нет.

Сортилеж, до сих пор молчавшая – грызла хвостик косички и переводила загадочные свои фары с одного теоретика на другого, – наконец открыла рот:

– Участок прибора прямо посреди вроде как глубокого океана? Дно там, где раньше никакого дна не было? Ну, вообще-то, вдумайтесь, всю историю в Тихом океане острова всплывали и тонули, и что, если Сбрэнд там где-то увидел такое, что давным-давно затонуло, а теперь опять медленно поднимается на поверхность?

– Какой-то остров?

– Ну, по *крайней* мере, остров.

В калифорнийской истории уже давно настал такой момент, когда хипповская метафизика просочилась в среду сёрферов настолько, что даже завсегдатаи «Уэволн», накрайняк – некоторые, почуяв, куда дело клонится, зашаркали ногами и заозирались в рассуждении чем бы еще таким заняться.

– Опять Лемурия, – пробормотал Флако.

– Что-то не так с Лемурией? – любезно поинтересовалась Сортилеж.

– Атлантида Пасифики.

– Она самая, Флако.

– И ты теперь утверждаешь, что этот затерянный континент... берет и снова всплывает на поверхность?

При этом глаза ее сузились – у менее невозмутимого человека это приняли бы за раздражение.

– На самом деле не так уж и странно, всегда же предсказывали, что Лемурия однажды снова появится, а когда ей это делать, как не сейчас: Нептун наконец заканчивает свой смертельный транзит по Скорпиону, водному, кстати, знаку, и восходит к Стрельцову свету высшего разума?

– Так, может, в «Национальный географический» стоит позвонить или еще куда?

– В журнал «Сёрфер»?

– Все, мальчики, моя квота Барни на неделю выполнена.

– Я тебя провожу, – вызвался Док.

Они смотались к югу по переулкам Гордита-Пляжа, в медленной протечке рассвета и зимней вони мазута и морского рассола. Немного погодя Док произнес:

– Спрошу кой-чего у тебя?

– Ты слышал, что Шаста свалила из страны, и теперь тебе нужно с кем-нибудь поговорить.

– Опять читаешь мои мысли, детка.

– Так почитай тогда мои, сам знаешь, с кем повидаться, как и я. Лучше настоящего оракула, чем Вехи Фэрфилд, в наших своих, наверное, нам никогда не видать.

– Может, ты предвзята, потому что он тебя учил. Может, поспорим на чуть-чуть, что все это у него просто кислотные базары?

– Только деньги на ветер, неудивительно, что ты с расписками своими разобраться никак не можешь.

– Никогда такой беды не было, пока ты работала в конторе.

– И реши я когда-нибудь вернуться – так нет, без льгот не стану, включая стоматологию и хиропрактику, а сам знаешь, твой бюджет такого не потянет.

– Я тебе мог бы, наверно, предложить страховку от приходов.

– У меня уже есть, *сикантадза* называется, сам бы попробовал.

– Что мне будет, если влюблюсь не по вере.

– У тебя она что – колумбийское православие?

Ее молодой человек Костыль сидел на крылечке с чашкой кофе.

– Эгей, Док. Сегодня все что-то ранние пташки.

– Она меня к гуру увлекает.

– Не смотри на меня, чувак. Сам знаешь, она всегда права.

Вернувшись из Вьетнама, Костыль какое-то время обостренно параноил: вдруг пойдет куда-нибудь и столкнется там с хиппи, – он свято верил, что все волосатики – антивоенные бомбисты, могут считывать его вибрации и тут же определять, где он побывал, а от этого станут его ненавидеть и устраивать ему какие-то зловещие хипповские козни. Док познакомился с Костылем, когда тот слегка суматошно старался влиться в эту уродскую культуру, которой

точно тут не было, когда он уезжал, поэтому возвращение для него стало сродни высадке на чужую планету, где кишмя кишат враждебные формы жизни.

– Обсад, чувак! Ты глянь чё, Эбби Хоффмен! Свернем-ка себе пару фаек, поотвисаем да послушаем «Электрических Черносливин»!

Док видел: Костыль придет в норму, как только успокоится.

– Сортилеж говорит, ты во Вьетнаме был, а?

– Ну, я из этих убийцев младенцев. – Лицо у него смотрело вниз, но сам он глядел Доку прямо в глаза.

– Правду говори, меня восхищают те, у кого кишка не тонка, – сказал Док.

– Эй, да я просто с вертолетами каждый день возился, как на работе. Мы с Чарли, страху нет, часто вместе в город ходили, тусовались, курили эту праведную местную траву, рок-н-ролл слушали по армейскому радио. Время от времени тебя подзывают и говорят: слышь, ты на базе сегодня ночуешь? ты им: ну, а чего? а они такие: не ночуй сегодня на базе. Пару раз так вот себе очко и сберег. Их же страна, она им нужна, меня устраивает. Если только моцык до ума доводить можно, чтоб никто мозги не еб.

Док пожал плечами:

– Справедливо. Это твой вон стоит, «мото-гуцци»?

– Ага, взял у какого-то дорожного маньяка из Барстоу, тот его совсем заездил, поэтому все опять отделать – несколько выходных ушло. От него вот да от старушки Сортилеж я и не унываю.

– Очень приятно вас вместе видеть, ребятки.

Костыль, глянув в угол комнаты, минутку подумал, ответил осторожно:

– У нас с ней история, я на год старше учился в Мира-Косте, пару раз на свиданки бегали, потом, когда я там был, стали переписываться, а тут вдруг бац, и я уже такой: в общем, может, и не пойду в конце концов опять служить.

– Должно быть, как раз тогда у меня семейное дело было в Инглвуде, когда молчел пытался меня обоссать через замочную скважину, в которую я глядел. Леж мне постоянно напоминает, она тогда еще у меня работала, я, помню, думал: должно быть, у нее в жизни что-то очень четкое происходит.

Со временем Костыль смог помаленьку научиться не напрягаться в позах общественной йоги, определявшей всю жизнь на пляже. Его «мото-гуцци» собрал свою долю воздыхателей – те тусовались вокруг, курили дурь и пили пиво на цементном пяточке перед гаражом, где Костыль с ним возился, и отыскалась пара-тройка ветеранов, которым после ‘Нама хотелось более-менее такой же, как у него, немозгоебственной гражданки, особенно Фарли Ветву, служившему в Войсках Связи: ему удалось умыкнуть кое-какой никому не нужной техники, включая старую 16-мм кинокамеру «Белл-и-Хауэлл» времен Второй мировой, защитного цвета, с пружинным заводом, неуничтожимую, лишь немногим больше кассеты пленки, для нее предназначенной. Время от времени они отваливали на мотоциклах, искали удобные мишени и через какое-то время обнаружили общий интерес – уважение к естественной среде, слишком много ее у них на глазах жгли напалмом, загрязняли, уничтожали ей растительность, пока латерит под низом не спекался от солнца до полной ненужности. У Фарли уже собрались десятки катушек с порчей окружающей среды по всему штату, особенно в жилмассиве «Вид на канал» – там, странное дело, этот ущерб напоминал ему не раз виденные расчистки джунглей. По словам Костыля, Фарли был там в тот же день, что и Док, снимал рейд местного комитета бдительности и теперь ждал пленку из проявки.

Костылю же все больше не давал покоя нефтеперегонный завод в Эль-Сегундо и нефтехранилища чуть выше по берегу. Даже когда ветер тут бывал покладист, Гордита все равно будто жила на лодке, стоящей на якоре в битумной яме. Все воняло нефтью. Нефть, пролитую из танкеров, выносило на пляж, черную, густую, вязкую. Кто б ни бродил по берегу, она липла

к подошвам. Тут существовало две школы мысли – Денис, к примеру, любил, чтоб она копи-лась на ногах, пока слой не утолщался до подошв сандалий, и тем самым экономил на обуви. Иные, почистоплотнее, вставляли в свой режим дня регулярное скобление ног, как бритье или чистку зубов.

– Не пойми меня неверно, – сказал Костыль, когда Сортилеж впервые застала его на крыльце со столовым ножом: он отскребал себе пятки. – Тут, в Гордите, мне очень нравится, в основном потому, что это твоя родина и ты ее любишь, но время от времени случается какая-то... маленькая... блядская деталька...

– Они губят планету, – согласилась она. – Хорошая новость здесь в том, что, как и у любого живого существа, у Земли тоже своя иммунная система, и рано или поздно она примется отторгать болезнетворных агентов вроде нефтяной промышленности. Есть надежда, что это произойдет раньше, чем с нами станется то же, что с Атлантидой и Лемурией.

Ее учитель Вехи Фэрфилд верил: обе империи затонули из-за того, что Земля не могла принять достигнутых ими уровней токсичности.

– Вехи нормальный, – сказал теперь Костыль Доку, – хотя кислотой закидывается и впрямь очень много.

– Помогает ему видеть, – пояснила Сортилеж.

Вехи не просто «торчал» по ЛСД – кислота была той средой, в которой он купался и чьи волны временами седлал. Ему она доставлялась, возможно, особым трубопроводом, из каньона Лагуна, непосредственно из лабораторий пост-Ауслиевой психоделической мафии, которая в те дни, люди верили, там действовала. В ходе систематических экскурсионных закидонов он нарыл себе духовного проводника по имени Камукеа, лемуру-хавайского полубога, жившего на заре тихоокеанской истории, который много веков назад служил каким-то священным бюро-кратом на затерянном континенте, что ныне покоился под толщей Тихого океана.

– И если кто и сможет связать тебя с Шастой Фей, – сказала Сортилеж, – то Вехи.

– Ладно тебе, Леж, ты же знаешь, у нас с ним сложились чудные отношения...

– Ну, он считает, что ты его старательно избегаешь, и не может понять из-за чего.

– Просто. Правило номер один в Кодексе Торчков? Никогда ни за что не подсаживай никого...

– Но он же *сказал* тебе, что это кислота.

– Нет, он сказал, что это «Особая Партия „Бургомистра“».

– Так это оно и значит, «Особая Партия», он так говорит.

– Ты это знаешь, *он* это знает... – К сему моменту они уже были на эспланаде, направ-лялись к Вехи.

Вольным был тот приход, на который его подсадил Вехи своей волшебной пивной банкой, или же не, Док всегда надеялся, что со временем о нем забудет. Но не вышло.

Началось, судя по всему, где-то 3 миллиарда лет назад на планете в системе двойной звезды довольно далеко от Земли. Дока тогда звали как-то вроде Кскъкъ, и он из-за двух солнц и того, как они вставали и садились, трубил довольно причудливые смены – прибирал за целой лабой жрецов-ученых, которые изобретали всякие штуки в гигантском заведении, кото-рое раньше было горой чистого осмия. Однажды он услышал какой-то шум из полузапретного коридора и пошел поглядеть. Обыкновенно степенный и прилежный персонал бегал взад-впе-ред в безудержном ликованье. «Получилось!» – орали они. Один схватил Дока – вообще-то, теперь Кскъкъ. «Вот он! Идеальный подопытный!» Не успев ничего сообразить, тот уже под-махивал какие-то расписки и облачался в классический, как ему вскоре станет ясно, прикид хиппи с планеты Земля; его подвели к причудливо мерцающей камере, в которой маниакально и сразу в нескольких измерениях повторялась мозаика мотивов из «Песенок с приветом» – на зримо слышимых, однако неназываемых призрачных частотах... Тем временем лабораторная публика объясняла ему, что они только что изобрели межгалактические путешествия во вре-

мени и его сейчас отправят через всю вселенную и, быть может, на 3 миллиарда лет в будущее. «А, и вот еще что, – перед тем, как щелкнуть последним тумблером, – вселенная? она типа это – расширяется? Поэтому, как доберешься до места, все остальное будет весить столько же, но по размеру больше? ну там молекулы дальше друг от друга? кроме тебя – сам ты останешься того же размера и плотности. В смысле, на фут короче всех остальных, но гораздо компактнее. Типа прочный такой?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.